

У Людмилы МАРТОВОЙ легкий стиль, но при этом не легковесное содержание. Ее героини на своем примере показывают: если много сделать сегодня, то завтра все обязательно получится. А еще они учат ничего не бояться, ведь если посмотреть своим страхам в лицо, то с ними будет гораздо легче бороться!

* * *

Дина потянула на себя дверь купе и облегченно вздохнула. Каждый раз путь до вагона становился для нее сущим мучением. Колесики чемодана застревали в снегу, который, казалось, за всю зиму никто ни разу не убирал, ноги разъезжались на подмерзшей к ночи снежной каше. Под намотанным шарфом становилось жарко и колко взмокшей от напряжения шее, а голова, наоборот, мерзла, потому что шапок Дина не терпела и никогда не носила.

В вагон приходилось взбираться по крутой лестнице, волоча за собой чемодан, оттягивающий руки и норовящий зацепиться за ступеньки. И висящая на плече сумка билась о бок, и Дина боялась, что все, что лежит внутри, обязательно выпадет из разъявленной молнии, которую она так и не успела застегнуть после того, как спрятала в сумку предъявленный проводнику паспорт, и закатится под вагон, и его будет не найти и не собрать до отхода поезда.

Уже в вагоне чемодан продолжал упрямяться и отчаянно цепляться колесами, теперь за разложенную поверх ковровой дорожки полосатую полотняную ткань. Та сбивалась и ехала под ногами, собираясь в неопрятные складки, и Дине каждый раз было стыдно, что она нарушает наведенный в вагоне порядок.

К тому моменту, как она добралась до своего купе, Дина так устала, словно не влезла в вагон, а разгрузила его. Купе было последним по коридору, то, что раньше называлось «у туалета». Правда, поезда сейчас были другие, и туалеты в них тоже, так что соседство ничем не мешало.

Во всех остальных купе уже спали люди. Самый удобный по времени поезд являлся проходящим, поэтому основная часть пассажиров давно уже расположилась согласно купленным билетам. Пахло едой и чуть-чуть коньяком, а также носками, чужими разгоряченными телами, смесью разных духов, кофе из кофе машины, немного пылью и еще железом. Дина снова вздохнула, потому что ездить в поезде не любила.

Ну ничего-ничего. Сейчас она уберет чемодан под полку, таким образом избавившись от него до утра, дождетя, пока тронется поезд и проводник пройдет по купе, скороговоркой объясняя нехитрые, давно навязшие в зубах правила, постелит белые простыни, коснется головой подушки, вставит в уши беруши, чтобы защититься от потенциального соседского храпа, и уснет. А когда проснется – за окном будет уже Москва.

Она потянула дверь посильнее, и та наконец поддалась, пропуская Дину внутрь. Она дернула чемодан в последнем отчаянном рывке, оказалась внутри и замерла, не веря собственным глазам. Посредине купе стояли огромные мужские ботинки. На левой нижней полке лежала чья-то шапка – мужская вязанка с помпоном, на левой верхней – расхристанная сумка с документами (Дина успела даже заметить текст, написанный, кажется, на иврите, а рядом бумажку с надписью от руки по-русски: «Ктуба»). На правой верхней полке валялся мужской пуховик, к слову, довольно дорогой. На правой нижней поверх не расправленного покрывала и без подушки ничком лежало тело...

Дина попятилась. Только трупа ей не хватало. В том, что мужчина мертв, она даже не сомневалась. Живые ТАК не лежали. Рванув с шеи шарф, она оглянулась, набрала в грудь побольше воздуха и приготовилась заорать, как вдруг тело зашевелилось,

перевернулось с живота на спину и так и осталось лежать, смиренно сложив руки крест-накрест. Раздался мерный раскатистый храп, тут же заполонивший все пространство купе и заставивший потесниться густой аромат коньяка, висящий в воздухе. Спящий на полке мужик был жив, просто мертвецки пьян.

Дина в отчаянии посмотрела на часы. До отправления поезда оставалось две минуты. Перспектива оказаться на всю ночь запертой в купе с чужим пьяным мужиком оптимизма не вселяла. Господи, и что ей делать?

Немного подумав, она брезгливо пнула стоящие посередине купе ботинки, загнав их под полку, двумя пальцами взяла чужую шапку и бросила ее наверх, к пуховику, затем зачем-то переложила туда же портфель с бумагами. Бардака Дина не терпела. Убрав свой чемодан, она закрыла дверь, села на свою полку и пригорюнилась.

Дверь купе поехала в сторону, и в проеме показался еще один попутчик. Тоже мужчина, лица которого было не видно, потому что он на ходу разматывал шарф, такой же толстый и мягкий, как у Дины. Мужчины, которые могли себе позволить носить такие шарфы поверх строгого однобортного кашемирового пальто, вызывали у нее уважение. Ну и любопытство, конечно.

Вынырнув из шарфа, мужчина провел рекогносцировку на местности, одним коротким взглядом оценив и Дину, и лежащее на соседней полке тело, и бардак на одной из верхних полок, и в этот момент Дина его узнала.

Это был Боря, Борис Посадский, внук лучшего друга Дининого деда, а также ее университетского преподавателя Соломона Абрамовича Посадского. Когда Дина была маленькой, они жили в одном доме, основательной просторной «сталинке» в центре города, только Посадские в первом подъезде, а Резниковы – Динины бабушка и дедушка – в третьем. Соломон Абрамович и дедушка вечерами частенько играли в шахматы, и Дина, если родители оставляли ее ночевать, всегда увязывалась за дедом, потому что ей было интересно слушать стариковские разговоры.

Соломон Абрамович Посадский преподавал английский язык в университете, Давид Исаакович Резников возглавлял областную станцию переливания крови, и оба они были людьми образованными, умными, глубоко эрудированными, блестящими собеседниками. Квартира Посадских Дине очень нравилась. У ее деда тоже была большая библиотека, но у Соломона Абрамовича она казалась просто огромной: в одной из комнат рядами стояли металлические стеллажи, как в настоящей библиотеке, и маленькой Дине нравилось между ними бродить, задумчиво разглядывая книжные корешки, прохладные под пальцами и немного пахнущие пылью.

Многие книги были на английском, и Дине страсть как хотелось узнать, что именно в них написано, и уже тогда она для себя решила, что будет учить иностранный язык, после школы поступит в университет, а потом станет переводчиком. В принципе, так оно все и вышло. А старый Соломон Абрамович еще успел побыть ее преподавателем. Его, да еще профессора Свешникова, Дина и ее подружка Соня Менделеева особенно любили.

В них, учителях старой школы, было что-то по-настоящему мужское, даже величавое. Свешников, впрочем, скоро заболел, ушел на пенсию, а потом и вовсе умер, а вот Посадский все еще был жив. Сейчас ему уже было под девяносто, похоронив жену, он один жил все в той же «сталинке» в центре города, и Дине внезапно стало стыдно, что она так давно его не проводывала и даже не звонила.

Борю, Бориса Посадского, она иногда встречала на важных переговорах, где работала переводчиком. Он вообще был заметной фигурой в городе: удачливый

бизнесмен, пользующийся уважением политик, а главное – завидный холостяк. Несмотря на то что сейчас младшему Посадскому было уже около сорока, он не спешил связывать себя узами брака, хотя, как знала Дина из досужих сплетен, ходоком считался знатным.

По нему сохли многие барышни, но Дина в их число никогда не входила. Глупо влюбляться в друга детства, особенно при условии, что даже в детстве он никогда не обращал на тебя особого внимания. Боря был на шесть лет старше Дины и на приходящую в гости пигалицу смотрел с вежливой доброжелательностью, но без всякого интереса.

В принципе, ничего и не изменилось. Однако сейчас, глядя на стоящего в дверях Бориса, Дина не могла сдержать радостный возглас.

– Боже мой, Боря, если бы ты только знал, как же я рада тебя видеть!

Он коротко рассмеялся.

– Не могу сказать, что я не понимаю почему. Привет, Динка.

Поезд, словно это приветствие было адресовано ему, мягко тронулся с места, набирая скорость. За окнами поплыл знакомый до мельчайших подробностей перрон. «Платочки белые, глаза печальные», – вспомнилось Дине, хотя к ней это не имело ни малейшего отношения. Ее никогда никто не провожал, да и сама она свои командировки воспринимала как данность, не как прощание. Не с кем ей было прощаться. И никто ее нигде не ждал. Кроме мамы с папой и верной подруги Сони Менделеевой, в прошлом году успешно ставшей Софьей Лаврецкой и сейчас ожидающей ребенка, по ее собственному мнению, «от лучшего в мире мужчины».

В принципе, с этим утверждением Дина не спорила, потому что мужчин лучше Феодосия действительно не знала. Негусто было с мужчинами в ее жизни, непонятно почему. Хотя, что тут непонятного? Слишком высока была планка, задранная с детства такими мужчинами, как дед, как Соломон Абрамович, как папа и все родительские друзья. Среди Дининых сверстников таких не было, вот только Соне, пожалуй, действительно повезло.

Соня и ее муж познакомились при таких детективных обстоятельствах, которые бывают только в книгах [1]. Зато и «проверку боем» их отношения прошли с самого начала, поэтому в том, что подругу ждет счастливая семейная жизнь, Дина даже не сомневалась.

Борис тем временем снял куртку, пристроил ее на вешалку, закинул на верхнюю полку свою сумку, присел рядом.

– Ты в Москву?

– Да, взяла заказ на сопровождение. Я же занимаюсь синхронными переводами, у нас в городе этим на хлеб с маслом особо не заработаешь, так что несколько раз в месяц езжу в Москву. Есть несколько фирм, которые сотрудничают со мной регулярно, иногда разовые заказы подворачиваются, но этот из постоянных, – сказала она. – А ты?

– А у меня в Подмосковье фирма. Выращиваем искусственные сапфиры. Кстати, удерживаем первое место в мире по выручке, – он мимоходом улыбнулся, и эта короткая улыбка сказала Дине больше, чем любые слова. Своим детищем Борис Посадский гордился и дело свое любил. – Я в Москве практически все время. В

понедельник уезжаю, в пятницу возвращаюсь. Совсем бы перебрался, но дед просит приезжать хотя бы на выходные. Для него это важно, а для меня важно все, что важно ему.

– Как Соломон Абрамович себя чувствует? Родители говорили, что он болел. Я, признаться, чувствую себя свиньей, что давно его не видела.

– Да ладно, что я, не понимаю. Жизнь сейчас у всех такая, что, пока с делами расквитаешься, хоть с рабочими, хоть с домашними, уже ни на что другое сил не остается.

По сравнению с разрывающимся между двумя городами Борисом, с его бизнес-заботами, политической карьерой и огромной благотворительностью, о которой он никогда не рассказывал, но в городе все равно об этом знали, у Дины не было никаких особых дел. Ну да, она тоже моталась в Москву, сопровождая переговоры и конференции как переводчик высокого класса. Да, брала документальные переводы на дом, а еще, для души, переводила книги для одного из крупных издательств. Но все-таки основную часть времени была сама себе хозяйкой, так что выкроить время на то, чтобы провести старого учителя, могла бы. И не надо Боре искать ей оправдание.

Из покаянных мыслей ее вывел особо громкий всхрап соседа.

– Так, спать сегодня ночью явно не придется, – философски заметил Боря. – Что ж, у меня есть новая аудиокнига, как раз до Москвы хватит. Но ты не переживай, я в наушниках слушаю.

– Я и не переживаю. У меня беруши. Я же часто езжу в Москву, а потому готова к любым соседям. Кроме вот такого, конечно. – Она кивнула на храпящего мужика. – Спасибо тебе, ты своим появлением меня сегодня просто спас.

– Да ладно, – он засмеялся – вкусно, раскатисто, от души, обнажая крепкие белые зубы. – Не надо приписывать мне лишнего геройства. Тем более что это тело, – тут он скептически посмотрел на спящего, – пробудет в коме как минимум до утра.

Как ни странно, ночь действительно прошла спокойно. Дина уснула сразу, как только коснулась головой подушки, и за ночь просыпалась раза два, не больше, тут же отключаясь снова, успевая лишь отметить, что пьяный на соседней полке по-прежнему лежит все в той же позе, а у Бори наверху горит лампочка, означающая, что он не спит.

Под утро сон ее стал особенно глубоким, поэтому она не слышала ничего и проснулась лишь тогда, когда проводница похлопала ее по плечу.

– Просыпайтесь, скоро Москва.

Дина села на полке, озираясь по сторонам. Напротив нее рядком сидели Борис и вчерашний незнакомец, так напугавший ее своим «бездыханным» телом. Выглядел он живым, здоровым и даже не сильно помятым, пусть и провел ночь в одежде поверх нерасправленной постели. Они с Борей пили кофе и чинно о чем-то беседовали. Дина вытащила беруши из ушей.

– Да есть работа, – говорил незнакомец с жаром, – только для того, чтобы заработать, надо иногда с дивана вставать и из дома выходить. Деньги сами в руки не придут, за ними нагибаться надо. Вот, к примеру, мы с компаньоном. Взяли объект – новую домну в Череповце строим. Почти пятьсот человек туда направили.

Люди из дома уехали, работают вахтовым методом, так оно и понятно, деньги зарабатывают. Мы вот с партнером раз в неделю туда катаемся, проверяем, контролируем. Тоже не сахар, а что делать? Здравствуйте, девушка, – сменил он тему, посмотрев на Дину. – Доброе утро. Вы уж простите меня за вчерашнее. Со старым другом вечером за рюмочкой посидел, не рассчитал малость. Виноват, готов принять любое наказание. Меня, кстати, Павел зовут. Павел Николаевич Попов.

Выглядел он веселым и славным, по крайней мере, на забулдыгу не тянул, а что напился вчера, так это с каждым бывает. Да и Борис разговаривает с ним охотно, значит, понимает, что этот самый Павел Николаевич – не мерзавец. Дина приветливо улыбнулась.

– Да ничего страшного, – сказала она, нащупывая ногами тапочки. – Мне вы совершенно не мешали, я прекрасно выспалась. Да и вообще – главный пострадавший тут явно вы.

Попов мрачно кивнул и сделал глоток кофе.

– А у вас случайно таблеточки от головы не имеется? – спросил он жалобно. – А то у Бориса нет, я уже спросил.

– Есть, – кивнула Дина, которая на всякий случай всегда возила с собой походную косметичку. – Вот, держите, аспирин и парацетамол.

Лицо мужика просияло, словно ему предложили сейчас панацею от всех его бед. Выщелкнув две белые таблетки, он кинул их в рот и одним глотком запил остатками кофе.

– Чувствую, жизнь налаживается.

Дина сходила умыться, тоже выпила чашку ароматного кофе, который теперь, хвала небесам, варили в поездах в настоящей кофемашине, поменяла тапочки на ботинки и полезла в сумку, чтобы ничего ненароком не оставить в поезде. За ней числилась особенная тревожность, поэтому кошелек, паспорт, ту самую аптечку, которую она доставала, чтобы спасти Павла Попова от похмелья, ключи от дома и еще тысячу и одну мелочь, имеющуюся в женской сумочке, могла проверить несколько раз. На всякий случай.

Убранная аптечка лежала на своем месте, рядом с косметичкой, кошелек тоже. В специальный кармашек Дина убрала телефон, отцепила от розетки и спрятала зарядное устройство, засунула в отдельный карманчик беруши и вдруг спохватилась, что не видит своего паспорта.

Высыпав все содержимое сумки на постель, она судорожно начала рыться в своем барахле, чертыхаясь про себя, что носит это все с собой. Да ладно носит, но еще и возит. Павел и Борис с интересом наблюдали за ее действиями.

Аптечка, косметичка, кошелек, расческа, зарядка, телефон, ключи, солнечные очки, совершенно ненужные нынешней мрачной и серой зимой, были на месте. Паспорта не было.

– Ты что-то потеряла? – осведомился Борис.

– Да, паспорт, – в отчаянии призналась Дина. – Причем я не могла забыть его дома. Во-первых, потому, что никогда не вынимаю его из сумки, всегда ношу с собой, а во-вторых, потому, что вчера вечером совершенно точно показывала его

проводнице. Без паспорта меня бы не пустили в вагон.

– Справедливо, – согласился Павел. – Значит, надо посмотреть еще.

Дина перерыла все купе, встряхнула постель, слезила под нижние полки, но паспорт как сквозь землю провалился.

– Я знаю, где он, – в голосе Дины звучали близкие слезы, потому что ситуация становилась катастрофичной, – со мной случилось то, чего я всегда боялась: я выронила паспорт из открытой сумки, когда залезала в вагон. Он свалился под колеса и остался там, на рельсах.

– Да уж, восстанавливать паспорт – задача из малоприятных, надоест объяснения писать, при каких обстоятельствах он был утерян, – сказал Павел.

Борис посмотрел на него с яростью во взоре. Мол, разве так утешают?

– Никакой катастрофы, – сказал он спокойно. – После отхода поезда путевые обходчики всегда проходят по перрону, так что твой паспорт давно уже нашли и сдали в бюро находок. Сейчас мы приедем, я туда позвоню, и моя правота подтвердится. Вернешься в город – заберешь.

– Да, но сейчас мне что делать? – не успокаивалась Дина. – У меня переговоры на четыре дня, а то и больше. Я же гостиницу заказала, а кто меня туда пустит без паспорта?

– Без паспорта – никто, – согласился Борис. – Но гостиница – не единственное место, где можно переночевать. Давай сделаем вот что. С вокзала поедем ко мне. Фирма арендует мне квартиру, практически в центре. Комнат там две, так что выделю тебе гостиную с царским диваном.

– Нет, это не выход, мне неудобно тебя стеснять, – запротестовала Дина и почему-то отчаянно покраснела.

– Да ничуть ты меня не стеснишь Я и дома-то практически не бываю. Сейчас портфель брошу, душ приму, яичницу пожарю и уеду на производство. Оно в Подмоскowie, так что полтора часа добираться. И обратно, соответственно, столько же. Раньше одиннадцати дома точно не окажусь. Завтра и послезавтра мне с утра тоже на завод, а в восемь вечера у меня деловые встречи в Москва-Сити, закончу не быстро, так что домой доберусь к полуночи. В общем, практически весь день квартира будет в твоём единоличном распоряжении.

– Ты уже второй раз меня спасаешь, – пробормотала Дина, понимая, что другого выхода, кроме как воспользоваться Бориным предложением, у нее нет, – а это сутки еще даже не кончились.

Поезд тем временем мягко затормозил у перрона Ярославского вокзала. Дина натянула пуховик, закинула на плечо свою многострадальную сумку-раззяву, вытащила из-под полки чемодан, который Борис, впрочем, тут же у нее отобрал.

– Да не надо, – слабо возразила она, – он же на колесиках, да и не тяжелый совсем.

– Никто никогда не сможет сказать, что дама рядом с Борисом Посадским сама несла чемодан, – отрезал он. – Давай выходи уже. Павел, а вам до свидания.

– До свидания, было приятно познакомиться, – кивнул Попов и ушел, оставив Бориса и Дину разбираться со своими сумками, портфелями и чемоданами.

Квартира, в которую они приехали на такси, Дине понравилась. Располагалась она на улице Мещанской, как говорится, «центрее некуда», хотя от метро и далековато. Впрочем, приезжая в Москву, Дина метро никогда не пользовалась, предпочитая Яндекс-такси. Вообще, по ее наблюдениям, на такси пересел весь город. Было это быстрее, а главное – дешевле, чем содержать свой автомобиль, платить транспортный налог и оплачивать бесконечные парковки.

– У меня машина служебная, – объяснил ей Борис, когда они вошли в квартиру, и он показал Дине ее комнату – большую светлую гостиную, оклеенную умильными обоями в мелкий цветочек, словно ситцем. – Сегодня уеду на завод на такси, там заберу машину, буду ездить все эти дни. В последний день либо оставлю ее на заводе, либо, если не буду успевать, приеду сам на вокзал, а водитель с фирмы заберет потом и отгонит. По-разному бывает.

Он поручил Дине приготовить завтрак, а сам отправился в душ. Из запасов, имеющихся в холодильнике, удалось соорудить нечто очень даже приличное: воздушный омлет, поджаренные тосты с беконом, салат из помидоров с ялтинским красным луком и оливковым маслом, а также кофе, сваренный в обнаруженной рядом с плитой маленькой джезве.

– М-м-м, выглядит аппетитно, – сообщил Дине Борис, успевший сменить джинсы и свитер на строгий костюм. Кажется, довольно модный. Впрочем, в мужских костюмах Дина не разбиралась. – Всегда удивлялся, как это женщинам удается так красиво накрывать на стол. Готовить я и сам умею, но у меня из того же самого набора продуктов получилась бы просто быстрая утренняя еда, а у тебя прямо произведение кулинарного искусства.

Его похвала была Дине приятна.

– А расскажи про свое производство, – попросила она, когда они уселись за стол. Отчего-то в компании Бориса она чувствовала себя неловко, словно боясь, что ему не о чем будет с ней разговаривать.

– Тебя интересуют искусственные сапфиры? – удивился он. – Никогда бы не подумал. Но ладно, слушай.

Не забывая с аппетитом поглощать приготовленную Диной еду, он рассказывал о небольшом производстве, на котором выращивают искусственные сапфиры, а точнее, варят их. В природе сапфир относится к корундам и состоит из оксида алюминия в кристаллической форме. По твердости сапфиры уступают лишь алмазу, и это их качество активно используется в промышленности.

При варении синтетического сапфира основой выступает порошок оксида алюминия, который нагревают до температуры в две тысячи двести градусов. Время выращивания каждого сапфира зависит от необходимого размера, ведь скорость кристаллизации составляет четыре миллиметра в час.

– Для того чтобы вырастить сапфир высокого качества, необходимы точное дозирование исходного материала и определенные условия, – рассказывал Боря и оглянулся на плиту, есть ли еще кофе. Дина встала и налила ему еще чашку. – Поскольку искусственные сапфиры обладают теми же свойствами, что и натуральные, они находят свое применение в промышленности, потому что, при прочих равных, стоят все-таки дешевле. На сапфирах изготавливают часы и полупроводниковые

приборы, хотя и в ювелирке их тоже очень-очень ценят.

– И что, искусственный камень никак нельзя отличить от настоящего? – спросила Дина, которой неожиданно стало интересно слушать то, что рассказывал Борис.

– Профессионалу можно, конечно. К примеру, чаще всего синтетический камень не содержит включений. Хотя история знает примеры, когда они добавлялись для того, чтобы выдать камень за натуральный. Ну и настоящие сапфиры, если их поместить под ультрафиолетовую лампу, отливают синевой, а искусственные выглядят зеленоватыми. А простой человек, конечно, легко перепутает. То есть стекляшку или страз определить просто, достаточно камень поцарапать. На корунде могут остаться следы только от алмаза. А вот натуральный сапфир или искусственно выращенный, достоверно может сказать только сертификат. Ладно, Динка, я побежал, мне еще до завода полтора часа пилить. Ты тут почувствуй себя хозяйкой, запасные ключи вот, на, – он вышел в прихожую, выдвинул ящик стоящего там комода и протянул Дине связку ключей на красивом кожаном брелоке. – Адрес я тебе сейчас эсэмэской скину, чтобы ты знала, куда потом возвращаться. Давай, диктуй номер.

Дина послушно продиктовала и взяла связку, отметив про себя, что Борис Посадский не пропускает ни одной мелочи. Она не была грудным ребенком, неспособным посмотреть номер квартиры на двери и табличку с адресом на доме, но его неожиданная забота казалась приятной.

После его ухода она быстро сполоснула посуду, залезла в душ, с наслаждением подставляя тело под колкие струи воды, вытерлась заботливо оставленным на стиральной машине полотенцем, о котором Боря тоже успел подумать, оделась и поехала на переговоры, которые ей сегодня предстояло вести. Настроение у нее было просто отличное.

* * *

Переговоры шли легко. Этих заказчиков Дина любила больше остальных, потому что они были внятные, спокойные, истерик не устраивали и платили исправно. Вот уже полгода они звали Дину на постоянную работу, но круто менять свою жизнь, уезжать из родного города в чужую, большую, недружелюбную Москву ей было страшновато.

Освободилась она около шести часов вечера, на такси вернулась обратно на Мещанскую, зашла в расположенный неподалеку супермаркет, который заметила еще утром, купила продукты, необходимые для приготовления приличного ужина и разнообразного завтрака, и отправилась домой, то есть в ту квартиру, где ей предстояло провести несколько ночей.

Дина была благодарна Борису за то, что он ее приютил, но злоупотреблять его добротой и нахлебничать не собиралась. С него кров, с нее стол. Тем более что он предупредил, что возвращаться будет поздно.

На ужин она приготовила свиные стейки, салат из свежих овощей и нажарила целую сковороду картошки. Жареная картошка была ее фирменным блюдом. С аппетитом поужинав и укутав еду на плите до прихода Бориса, она позвонила родителям и уютно устроилась на диване в гостиной, вытащив из чемодана припасенную на вечер книжку – детектив.

Этот жанр – легкий, ненавязчивый, но с интригой – Дина любила больше всего. Конечно, при взгляде на стоящие в гостиной книжные полки ей становилось немного стыдно, потому что хозяин этого дома читал совсем другие книги, уж если не научные, то хотя бы научно-популярные. Дина скользнула глазами по корешкам: «Теория поля» Ландау-Лившица, «Путеводитель по миру паранормальных явлений»,

«Будет так, как скажем мы» Ноама Хомского и несколько книг Курпатова. Тяжело вздохнув над собственным несовершенством, она нырнула в свой детектив.

Борис вернулся домой около полуночи. Услышав скрежет ключа в дверях, Дина вынырнула из сна, в который успела провалиться, и выглянула из комнаты в коридор, где он как раз снимал ботинки.

– Я ужин приготовила, – сказала Дина и зевнула. – Разогреть или сам справишься?

– Иди спать, – рассмеялся он, – а то сейчас рот порвется. Все разогрею и съем, потому что голоден как черт. Спасибо, что оставила корму, сил готовить совсем нет.

– На здоровье, – вежливо сказала Дина, закрыла дверь, вернулась в постель и тут же снова уснула. Границу между вежливостью и навязчивостью она видела очень хорошо и переходить ее не собиралась.

Утром вторника Борис исчез из дома еще до того, как она проснулась. Встав в половине седьмого, Дина обнаружила на кухне пустую плиту, вымытую посуду и турку со сваренным, но уже остывшим кофе. Интересно, и куда это он усвистал так рано?

Пожав плечами, она решила не заморачиваться ни с сырниками, которые собиралась приготовить на завтрак Борису, ни с омлетом для себя, а просто соорудила три бутерброда и съела их вместе с кофе. Лично ей и так сойдет.

Этот день должен был в точности повторить вчерашний. С десяти до часу дня переговоры, затем обед, на котором, впрочем, тоже надо переводить. С трех до пяти второй раунд, после чего Дина сможет считать себя свободной. Еще в такси по дороге на работу она прикидывала, надо ли сегодня снова идти в магазин и готовить ужин. Борис, кажется, говорил, что у него встреча в ресторане в Москва-Сити, значит, он вернется домой не голодным, а для себя можно и не стараться, обойтись тем, что есть в холодильнике.

Ответа на этот вопрос у нее не было, а спрашивать Бориса она, поколебавшись, сочла неправильным. Ее совершенно не касаются его планы на вечер, и задавать такой вопрос холостому мужчине, в конце концов, неприлично. Ладно, посмотрим по обстоятельствам.

Освободилась она немного раньше ожидаемого срока, с удовлетворением отметив, что на улице еще светло. Зимнюю темноту Дина вообще переносила плохо, просто физически ощущая, как погружается в пучину неведомой летом беспросветности. Еще и зима в этом году выдалась совсем не солнечная, вместо положенных тридцати ярких дней в Москве выдалось только одиннадцать, а в родном городе Дины и еще меньше. И вот наконец темнота стала отступать.

Более того, второй день днем светило солнце, что повышало настроение еще больше. Что там в детстве бабушка рассказывала про нехватку витамина Д и неизбежный рахит? Витамин Дина принимала исправно, рахит как диагноз канул в прошлое вместе с Советским Союзом, но солнца отчаянно не хватало и организму, и особенно душе, поэтому сейчас, глядя на голубое небо, Дина улыбалась во весь рот.

К дому она подъехала в половине пятого. Улица казалась совершенно пустынной, большинство москвичей были еще на работе, лишь в маленьком дворике напротив гуляла бабушка с коляской. Дина достала ключи, открыла замок домофона и вошла в прохладный и немного сумрачный подъезд.

От лифтовой площадки ее отделяли ступенек пять, не больше. Перед лифтом что-то лежало, большое и темное. При плохом освещении Дине было не очень видно, что именно. Поднявшись по лестнице и подойдя поближе, она с ужасом поняла, что на кафельной плитке пола ничком лежит тело. Мужское.

Глаза скользнули по отчего-то знакомому темно-синему пуховику, довольно дорогому, явно фирменному, по грубым ботинкам, которые Дина совершенно точно недавно где-то видела, мужской вязаной шапке с помпоном, отлетевшему чуть в сторону портфеля, из которого торчала кипа бумаг.

Еще пару секунд мозг сводил полученную информацию воедино, после чего Дина осознала, что перед ней лежит ее давешний сосед по купе – Павел Николаевич Попов. Этого не могло быть. Как так получилось, что совершенно случайный попутчик, с которым Дина и Борис провели одну ночь в поезде и утром расстались навсегда, практически ничего о нем не зная, вдруг оказался в подъезде Посадского? И что, он опять вусмерть пьян? Дина присела на корточки и принялась. Алкоголем совсем не пахло.

– Павел, – почему-то шепотом позвала она. – Павел Николаевич? Вам что, плохо? Это я, Дина, мы с вами вчера в поезде ехали. Вам нужна помощь?

Мужчина не отвечал, и она чуть сильнее потянула за рукав его куртки. От этого движения тело перевернулось на спину, и на Дину уставились широко открытые и лишенные всяческого выражения мертвые глаза. На кафеле, в том месте, где до этого покоилась голова, растекалась отвратительная красная лужа. Кровь.

– Мама, – все тем же шепотом сказала Дина и прижала к губам ладошку, – мамочка. Этого не может быть. Так не бывает. И что же мне теперь делать?

Вопрос был не праздный. Несмотря на шок, Дина отлично понимала, что находится в чужом подъезде, в чужом городе и без документов. Вызвать полицию? Так ее обязательно арестуют как подозрительную особу. Обратиться к соседям? Но на первом этаже не было квартир, только двери лифта, значит, нужно бежать по этажам, искать тех, кто в эту пору дома, кто не побоится открыть дверь, выслушать ее рассказ и отправиться навстречу неминуемым неприятностям. Уйти? Но это же означает, что она сбежала с места преступления, и если в подъезде есть камеры видеонаблюдения, то рано или поздно это обязательно выяснится.

Дина повертела головой, но никаких камер не увидела. Но это же не означает, что их нет. Оставалось только одно – звонить Борису Посадскому, что Дина и сделала. Он взял трубку после первого гудка, как будто сидел перед телефоном в ожидании Динино звонка. Думать так было глупо, но Дина все-таки подумала.

– Привет, – сказал он весело. Он почему-то вообще все время говорил весело и задорно, словно у него всегда-всегда было хорошее настроение. – Хочешь спросить, приду ли я на ужин?

Дина с трудом вспомнила, что недавно действительно хотела об этом спросить, но сейчас это казалось совсем не важным.

– Нет, – сказала она с трудом и сглотнула, потому что сказанное слово царапало сухую глотку. – Боря, в нашем подъезде у лифта лежит Павел Попов. У него разбита голова, и он мертв.

– Что? – веселость в голосе сменилась недоумением. Или это Посадский так отреагировал на то, что Дина в запале назвала его подъезд «нашим»? – Повтори,

что ты сказала, Динка?

Она послушно повторила, и он помолчал, обдумывая информацию.

– Кто такой Павел Попов? – наконец, услышала Дина голос в трубке. – Ты что, его знаешь?

Еще не хватало, чтобы он подумал, что Дина нашла в ЕГО подъезде труп СВОЕГО любовника.

– Ты тоже его знаешь, – уныло сказала она. – Это наш сосед по купе. Тот самый, который был в стельку пьян, а утром рассказывал нам про строительство домны в Череповце.

– Что-о-о-о? Откуда он там взялся?

– Да не знаю я, – Дина наконец заплакала. Масштаб свалившейся на нее проблемы был чудовищным. Как разговаривать с полицией, если даже Боря ей не верит. – Я вообще не понимаю, что мне теперь делать. Вызывать полицию?

– погоди, – скомандовал Посадский, и Дина тут же захлопнула рот.

Почему-то в этот момент ей вспомнилось, как давным-давно, когда ей было лет десять, не больше, они с родителями поехали в отпуск в Одессу и там, на пляже, случайно столкнулись с Посадскими: Аркадием и Ольгой, которые тоже приехали туда в отпуск, взяв с собой сына Борю. Ему тогда было шестнадцать, и именно ему выпала доля развлекать десятилетнюю пигалицу, пока их родители резались на разложенных на песке полотенцах в «Кинга» – карточную игру, которую интереснее всего было вести на четверых.

Боря тогда водил Дину на карусели и терпеливо ждал, пока до них дойдет очередь и она досыта накатается на пластиковой расписной лошадке. Он следил, чтобы она не утонула в море, тайком от родителей водил в кафе и покупал мороженое. Есть его маленькой Дине категорически запрещалось, потому что она часто подхватывала ангину, но они нарушали запрет, и за все три недели Дина ни разу не кашлянула. И горло у нее совсем не болело.

Как-то они шли по пляжу, загребая ногами песок, возвращаясь со сложного задания по покупке вареной кукурузы, и Дина, по обыкновению, болтала о какой-то ерунде, и вдруг он властно сказал: «Погоди», и она тут же заткнулась. Тогда оказалось, что он увидел потерявшегося ребенка – мальчика лет трех, который горестно плакал, размазывая по мокрым щекам песок. Боря тогда присел на корточки и, вытерев грязные разводы, ласково велел не плакать. И малыш, как до этого Дина, тут же послушался и перестал реветь, и они вместе нашли его родителей, и все тогда закончилось хорошо. Много лет Дина про это не вспоминала, а сейчас вот почему-то вспомнила.

– погоди, – повторил он, – и прекрати реветь. Слезами, как известно, горю не поможешь. Оставайся на месте и ничего не предпринимай. Если кто-нибудь из соседей войдет в подъезд, скажи, что ты уже вызвала полицию.

– Но я же не вызывала.

– Дина, – Борис, кажется, начал сердиться, – я сказал оставаться на месте и ничего не предпринимать. Я сейчас приеду и сам вызову полицию.

– Но ты же в Подмоскowie, – ужаснулась Дина, – сколько ты будешь ехать? Полтора часа?

– Я уже на соседней улице, – ласково сказал он. Или это Дине показалось, что ласково. – Я освободился раньше и решил заехать домой перед вечерней встречей. Переодеться, ну и вообще.

Звучало это как-то туманно. Часы, на которые бросила взгляд Дина, показывали без двадцати пять. Вечерняя встреча, это она помнила точно, назначена на восемь. Зачем Борис едет домой так рано?

– Если бы я выехал позже, то неминуемо застрял бы в пробках, – услышала она в трубке. Кажется, он читал ее мысли. – Динка, не надумывай ничего лишнего и не дрейфь. Сейчас я приеду, мы вызовем полицию и во всем разберемся. Я тебе обещаю.

Появился он действительно быстро, минут через восемь, значит, и впрямь был совсем рядом. Ворвался в подъезд, одним взглядом оценил картину, сделал шаг и обнял вздрагивающую Дину за плечи.

– Ну все-все, не бойся. В подъезд никто не заходил?

Она отрицательно покачала головой.

– Ну и славно. Я звоню в полицию.

Еще через десять минут тишина подъезда взорвалась громкими голосами, щелчками фотовспышки, тяжелыми шагами мужчин в грубых ботинках. Дина стояла, вжавшись в стену и мечтая с ней слиться, и ни на минуту не выпускала из поля зрения Бориса. Его присутствие придавало ей сил.

– Кто нашел тело? – строго спросил ее прибывший чуть позже других серьезный мужчина, кажется, представившийся дежурным следователем.

– Я, – выдавила из себя Дина.

– При каких обстоятельствах?

– Я возвращалась с работы, вошла в подъезд и увидела, что перед лифтом что-то лежит. В темноте я не сразу поняла, что это... человек, – она сглотнула, потому что Павел Попов совершенно точно уже не был человеком. – Я решила, что ему плохо, присела, начала тормозить, а потом поняла, что он мертв.

– Он так и лежал, когда вы вошли?

– Нет, он лежал ничком, а перевернулся, когда я потянула за рукав куртки.

– Так, вы сказали, что возвращались с работы, значит, вы здесь живете?

Дина открыла рот, чтобы начать объяснять, что в доме на Мещанской оказалась совершенно случайно, но тут в разговор вмешался Борис.

– Вообще-то здесь живу я, – с выражением сказал он, словно посылая Дине какой-то особый сигнал, – а это моя девушка, которая приехала в Москву и, естественно, остановилась у меня.

Под ногами у Дины ощутимо поплыл пол.

– Вот как, – зоркий взгляд глаз под нахмуренными бровями переместился с Дины на Бориса, и она облегченно перевела дух. И что это за дурацкая привычка чувствовать себя виноватой, даже если ты уверена, что не сделала ничего плохого? – тогда давайте с самого начала. А вы, собственно говоря, кто?

– Я Посадский Борис Аркадьевич, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, – совершенно спокойно сказал Борис и достал из своего портфеля паспорт. – Работаю в Москве, точнее в Подмосковье, директор ООО «Кристалл Блю». Живу в этом доме уже два года, снимаю квартиру номер тридцать восемь на основании договора. Телефон владельцев квартиры готов дать.

– Вы постоянно здесь проживаете?

– С понедельника по пятницу. На выходные уезжаю в свой родной город, к родным и, – он покосился на Дину, – близким людям.

– Так, с вами ясно. А девушка, вы говорите...

– Моя подруга Дина Резникова. Мы встречаемся в нашем родном городе, и, конечно, когда она приезжает на работу в Москву, то останавливается у меня.

– А вы тоже работаете в Москве? – уточнил следователь.

– Да, я переводчик, приезжаю сопровождать переговоры. У меня несколько постоянных заказчиков, но бывают и разовые контракты.

– И как давно вы знаете господина, – он снова заглянул в паспорт, который держал в руках, – Пасадского?

– С детства, – честно призналась Дина. – Наши дедушки дружили, ну и родители немного тоже.

– Ага-ага. А ваш паспорт можно посмотреть?

Дина похолодела. Сейчас ей придется объяснять, что паспорт она выронила на вокзале и за прошедшие полтора суток так и не удосужилась даже туда позвонить, чтобы узнать, в целости ее документ или нет. Боже мой, ее же сейчас в полицию заберут.

– Вот, пожалуйста, – услышала Дина и увидела, как Борис протягивает следователю ее собственный паспорт. – Мы вместе садились в поезд, поэтому ее паспорт остался у меня.

Он врал так уверенно, что Дина на мгновение сама усомнилась в том, что на самом деле все было не так. Интересно, зачем ему это нужно? И почему ее паспорт оказался у него? Получается, что ночью, пока Дина спала, он выкрал его из ее сумки? Бред какой-то. Следователь тем временем листал Динин паспорт, не догадываясь о ее внутреннем смятении.

– Так, ладно. Вы, Дина Михайловна, обнаружили тело, возвращаясь с работы. А вы, Борис Аркадьевич, как тут оказались?

– Я тоже возвращался домой с работы. Сегодня вечером у меня назначена деловая встреча в ресторане, и на нее я планировал пойти с Диной. Ехал, чтобы ее забрать, находился в одном квартале от дома, когда она позвонила и сказала, что

произошло. Я, разумеется, заволновался и постарался приехать максимально быстро. Полицию вызвал я, потому что Дина была в шоке.

Он продолжал врать, и Дину это напрягало все сильнее. Ни в какой ресторан они не собирались, вернее, Дина туда не собиралась, и возле своего дома Борис оказался вовсе не из-за нее. Да что же это такое происходит?

Следователь явно пока не видел в их показаниях никаких нестыковок. Ну конечно, он же не знал, что до случайной встречи в купе Борис и Дина не виделись несколько лет. Впрочем, встречать в разговор и выводить Бориса на чистую воду она не собиралась, оставив разбирательства на потом, когда они останутся одни. Правда, ей уже казалось, что этот невыносимо длинный день никогда не кончится. А ведь совсем недавно она шла по улице и улыбалась солнцу, и думала, что день сегодня хороший, отличный даже. И вот тебе, пожалуйста.

Задумавшись, она не заметила, что следователь снова обращается к ней, точнее, к ним обоим.

– Извините, что?

– Я спросил, знаком ли кому-нибудь из вас этот человек, – их собеседник кивком головы указал на тело, вокруг которого продолжал хлопотать медэксперт. – Может, он живет в этом подъезде? Вы его когда-нибудь видели?

– Я не знаю, где он живет, – покачал головой Борис. – Возможно, что в этом подъезде, хотя это было бы слишком большим совпадением. Я рано ухожу на работу, поздно возвращаюсь, а на выходные уезжаю домой. Я даже своих соседей по лестничной площадке за эти два года видел один раз, а уж кто живет на остальных этажах, в принципе, понятия не имею. Но этот человек нам обоим знаком. Он ехал с нами в поезде, и мы провели в одном купе ночь с воскресенья на понедельник. Его зовут Павел Николаевич Попов. По крайней мере, он нам так представился.

Взгляд следователя стал цепким, колким, злым. И Дина вполне его понимала. Сначала люди едут в поезде со случайным попутчиком, а спустя полтора суток его тело находят в их подъезде. Подозрительное совпадение, если честно.

– Та-а-ак, – сказал следователь голосом, не предвещавшим ничего хорошего. – И чем вы можете объяснить, что этот самый Попов найден в вашем доме с проломленной головой? Да еще найден именно вами. Вы что, договаривались, что он придет к вам в гости?

– Да ни о чем мы не договаривались, – Борис был абсолютно спокоен, и сейчас Дина остро завидовала его слоновьей толстокожести. Самой ей было очень страшно. – Мы попрощались в купе, и он ушел. Мы не собирались встречаться. Ни здесь, ни где бы то ни было еще. Как он оказался в нашем подъезде, я понятия не имею.

– И я должен в это поверить? – у следователя скептически изогнулась бровь.

– А это как вам будет угодно. Я говорю правду, но доказывать это не обязан. Есть такое понятие как презумпция невиновности. Хотя это вы и без меня знаете, наверное.

– Нам нужно осмотреть вашу одежду, снять отпечатки пальцев и сделать смывы с рук, – сообщил следователь. – Доказывать вы, конечно, ничего не должны, но в подозреваемые вполне годитесь. Не хочу бегать за вами по всей стране, когда мы найдем орудие преступления.

– Пожалуйста, я готов пройти все необходимые процедуры, – сообщил Борис, по-прежнему спокойно. – И Дина тоже.

Она кивнула, словно загипнотизированная мягким тембром его голоса. Как сквозь сон, она что-то подписывала, к чему-то прикасалась. На ее глазах наконец-то увезли накрытое простыней тело, лишь на плитке пола остался обведенный белым силуэт, точно такой, как она привыкла видеть в детективных сериалах. Боже мой, еще вчера вечером она считала, что любит детективы. Да она их терпеть не может.

В подъезд опасно заходили соседи, которых до этого не пускали внутрь, держали на улице. Пугливо косились на меловой контур, брезгливо на Бориса и Дину, бочком заходили в лифт и уезжали, подальше от чужих неприятностей. Краем глаза Дина видела, что Борис позвонил и отменил вечернюю встречу, на которую уже точно не успевал, и подумала, что зря не купила продуктов на ужин.

Как бы то ни было, тягостная и муторная процедура все-таки подошла к концу, и их отпустили восвояси, велев завтра с утра явиться в отдел полиции. Услышав это, Дина снова запаниковала:

– Я не могу, у меня переговоры, если я не явлюсь, то сорву их. Никто не успеет найти другого переводчика за такое короткое время.

– Я приду с утра, – решительно сказал Борис. – А Дина подьедет, когда освободится. Давайте решим этот вопрос по-человечески. Тем более что вы понимаете, если она все равно не придет, ей за это, по большому счету, ничего не будет.

– Ладно, – после некоторого молчания ответил следователь. – Только я убедительно прошу вас из Москвы никуда не уезжать.

– Не уедем, – заверил Борис. На этом и распрощались.

Весь вечер Дина провела, завернувшись в теплый плед, найденный на диване. Несмотря на это, ее трясло в мелком ознобе, руки и ноги превратились в ледышки, и ей никак не удавалось согреться. Поглядев на нее довольно скептически, Борис оделся и куда-то ушел, а вернувшись, притащил с собой пакет всякой снеди и встал к плите. Через полчаса квартира наполнилась изумительными запахами, а еще минут через двадцать он пригласил Дину к столу.

На нем стояла запеченная в фольге семга, зажаренный картофель по-домашнему, салат из овощей и сваренный горячий глинтвейн, в котором плавали кружки оранжевого апельсина, солнечного лимона, имбиря и палочка корицы.

– Пей, – Борис почти силком усадил Дину на стул, пододвинул к ней чашку, над которой поднимался ароматный пар, и она обхватила ее двумя руками, словно к печке прижалась. – Пей и ешь. Никакой вселенской катастрофы не произошло. Смерть отвратительна, и мне правда жаль, что тебе сегодня пришлось это все увидеть, но этот человек для тебя никто, поэтому остро горевать о его смерти не стоит. И не смотри на меня так, это не цинизм, а эмоциональная гигиена. Меня, кстати, этому твой дед научил. Он как-то объяснил, что врач не может умирать с каждым своим пациентом, потому что очень быстро действительно умрет и не сможет больше никому принести пользу.

– Но я же не врач, – слабо возразила Дина.

Горячий глинтвейн стекал по пищеводу, согревая желудок, от которого по всему организму расходились волны тепла. С каждым глотком Дина тряслась все меньше, словно пила не подогретое вино, а волшебный эликсир, снимающий гигантское внутреннее напряжение.

– А какая разница? – он пожал плечами. – Нужно уметь выстраивать внутри себя защитный экран, через который не могут проникнуть неприятности, которые не касаются напрямую тебя и твоих близких. Все остальное рассосется, так зачем тратить на это нервные клетки?

– Мне кажется, ты не понимаешь, – медленно сказала Дина и сделала еще глоток. В чашке почти ничего не оставалось, и, заметив это, Борис встал, посвященнодействовал у стоящей на плите кастрюли и поставил перед ней новую чашку, забрав старую, для чего ему пришлось разжать ее пальцы.

– Ты не понимаешь, – повторила она с напором. – Убийство Попова касается нас с тобой напрямую. Мы – самые удобные подозреваемые, и мне кажется, что никто и не будет искать других. Мы вместе ехали в поезде. Могли узнать что-то важное. Или, наоборот, он узнал что-то про нас, стал свидетелем какого-то, скажем, твоего разговора, начал шантажировать.

– Ты, случаем, детективные романы не пишешь? – с улыбкой спросил Борис.

– Нет, только читаю, – огрызнулась Дина. – Тем более что жизнь гораздо шире любого романа и гораздо круче тоже. Борь, я серьезно, мы вляпались в очень крупные неприятности, и я считаю, что у нас есть только один способ из них выбраться.

– Какой же?

– Понять, кто убил Павла, самим.

Борис смотрел на нее так странно, что Дина вдруг испугалась. Сбежавший было холод вернулся, заставив вздрогнуть. Она схватилась за кружку, как за спасательный круг.

– Ты чего?

– Откуда у тебя мой паспорт? – выпалила Дина. – И почему ты оказался возле дома в неурочное время? Ты говорил, что поедешь на свою встречу прямо с работы. Зачем ты соврал, что заезжал за мной? И вообще про то, что мы с тобой пара?

– Ух, сколько вопросов, – восхитился Борис. – Прямо «Следствие ведут знатоки». Динка, ну подумай сама. Мы и так действительно выглядим подозрительно, тут я с тобой согласен. Теперь представь, что мы бы еще начали объяснять, что и в одном купе оказались случайно, и ехали в разные места, а к себе домой я тебя забрал потому, что ты потеряла паспорт. Зачем усложнять то, что и без того непросто?

– Но я действительно поехала к тебе домой, потому что без паспорта меня бы не пустили в гостиницу, а теперь этот мой документ оказался у тебя. Что я должна думать?

– Ты можешь подумать, что я вытащил паспорт из твоей сумки, чтобы обманом завлечь тебя в свою квартиру, – сухо сказал Борис. – А сделал я это для того, чтобы заманить невинную девочку в логово одинокого развратника. А еще ты можешь подумать, что вчера утром я позвонил на наш родной вокзал и узнал, что твой

паспорт нашли там, где он и лежал, – на путях, и попросил отправить его вечерним поездом в Москву, потому что все понимают, что в чужом городе без паспорта невозможно. Это было не очень просто, потому что вообще-то они возвращают документы лично в руки, но тут мой депутатский статус помог. А еще то, что начальник вокзала мой приятель. А сегодня утром я встал пораньше, чтобы встретить поезд на вокзале и привезти паспорт тебе. Не тебя же, дурочку, было гонять. Выбери, пожалуйста, какой из двух вариантов тебе нравится больше.

Теперь Дине было жарко. Так жарко, что она отставила чашку и скинула с плеч плед. Господи, ну почему, почему, почему, почему она такая дура? Посадский действительно не выпускал из виду ни одну мелочь, а потому нет ничего удивительного, что именно он сразу же выяснил судьбу ее «краснокожей паспортницы», в то время как ей, Дине, это даже не пришло в голову. Нашел, организовал доставку, да еще и смотался на вокзал, несмотря на то что для этого нужно было встать в пять утра, а лег он в час, не раньше.

– Спасибо, – покаянно сказала Дина.

Отчего-то ей вдруг пришло в голову, что она бы не расстроилась, узнав, что Боря специально стащил ее паспорт, чтобы, как он выразился, завлечь к себе домой. Изнутри покусывало странное разочарование. Странное, потому что никогда он ей ни капельки не нравился. Детский знакомый, даже не друг. Какая может быть дружба между десятилетней соплячкой и шестнадцатилетним почти студентом. Фу ты, какие глупости в голову лезут.

– Так, ешь все, что лежит у тебя на тарелке, – строго сказал он. Точно, как старший брат, которому оставили на попечение настырную сестренку, – и иди уже спать, ради бога. Твоей нервной системе сегодня изрядно досталось, поэтому и драму ты видишь там, где ее нет. Точнее, есть, но тебя она не касается. И еще. Заруби на своем распрекрасном носу, что играть в частного сыщика я тебе не позволю. Это не детективный роман, который лежит на твоей кровати. Это жизнь, и в ней, бывает, по-настоящему убивают. А я, между прочим, за тебя отвечаю.

Надо же, и детектив уже рассмотрел и, разумеется, осудил. Конечно, куда ей, тундре неогороженной, до человека, который читает Ландау и Хомского. Слезы встали в горле, мешая проглотить хотя бы кусочек упоительно пахнущей рыбы.

– Знаешь, что, Борис Посадский, а иди ты к черту, – вспыхнула Дина, выскочила из-за стола, закрылась в своей комнате, рухнула ничком на кровать и зарыдала, уткнувшись в подушку. И плакала, пока не заснула.

* * *

Под утро Дине снился какой-то то ли детектив, то ли триллер. Она часто видела такие сны, в которых выступала словно зритель, с интересом наблюдающий за разворачивающимися событиями, но непосредственно в них не втянутый. Во сне было много погони, перестрелок, выяснения отношений, вот только, проснувшись от звонка будильника в шесть часов утра, Дина ничего не помнила, только отдельные всполохи.

Выключив будильник, она села на своем диване и нащупала ногами тапочки, зевнула широко, от души, потерла глаза, которые почему-то казались отекающими и даже плохо открывались. А да, точно, наревелась на ночь, теперь будет полдня смотреть на мир через узкие щелочки.

Представив, как она сейчас выглядит со стороны, Дина тяжело вздохнула. И как в таком виде из комнаты выходить, спрашивается. Из кухни доносились звяканье

посуды и аромат кофе. Значит, Боря уже встал и сам готовит завтрак. Ну конечно. От такой жилички, как она, ни толку, ни профиту. Полежать еще немного, что ли? Вдруг он уйдет, и тогда можно будет выйти в ванную и на кухню, не боясь показаться чучелом.

– Динка, хватит прятаться, выходи, – услышала она и неожиданно расхохоталась. Умный человек всегда догадывается о том, что происходит за закрытой дверью. Как же она об этом забыла. Борис услышал звонок ее будильника и правильно оценил трусливое замешательство. Что ж, снимаем шляпу.

– Иду! – прокричала Дина, которой почему-то было легко-легко, как будто это не она рыдала полночи.

Соскочив с дивана, она накинула халат, расчесала волосы, подула на непослушную челку и, смирившись с неизбежным, вышла в коридор.

– Умывайся и за стол, – строго велел выглянувший из кухни Борис, – ты вчера вечером ничего не ела, так что нужно срочно восстанавливать силы, если не хочешь посередине очередного раунда переговоров хлопнуться в обморок.

Дина шмыгнула в ванную и долго плескала на лицо холодной водой, надеясь, что сумеет привести себя в божеский вид. Постояв под контрастным душем, она быстро накрасилась, снова прошмыгнула в свою комнату и вместо халата натянула джинсы и свитерок. Ходить перед посторонним мужчиной распустехой казалось ей совершенно неприемлемым. А уж в деловой костюм она переоденется после завтрака.

– Доброе утро, – с независимым видом сообщила она, появляясь наконец на пороге кухни.

– Доброе, доброе, – Посадский шмякнул на стол тарелку с омлетом, от которого поднимался пар. – Так, вот булка с маслом, вот соленая семга, вот колбаса. Захочешь сосиски – сама сваришь. Кофе на плите, я побежал.

– Ты долго сегодня? – спросила Дина и тут же расстроилась, что не успела поймать себя за язык. Не имела она права на такие вопросы.

– С утра съезжу на завод, потому что там есть срочные дела, которые нужно доделать. На обед назначил ту встречу, которая отменилась вчера. Вопрос отлагательств не терпит, так что дальше его не отодвинешь. Потом поеду в полицию, тут уж ничего не попишешь. А оттуда сразу на вечернюю встречу. Там заказчик новый, мы в нем заинтересованы, поэтому ни отменить, ни перенести нельзя. Так что ты сегодня сама. После работы езжай в участок, чтобы не нервировать органы правопорядка. Придерживайся вчерашней версии и ничего не бойся. Скрывать тебе совершенно нечего, кроме мелких деталей, которые не имеют отношения к делу. Вернешься домой, доешь вчерашний ужин. Он в холодильнике. Вечером увидимся. Пока.

Через пару минут хлопнула входная дверь, и Дина осталась в одиночестве, раздумывая над тем, как этот человек ничего не забывает и все успевает. Несмотря на всю ее системность и серьезный подход к жизни, сама она ТАК точно не умела.

Дина допивала вторую чашку кофе, когда у нее зазвонил телефон. Борис.

– Слушай, – скороговоркой сказал он. – Будь другом, помоги мне, пожалуйста.

– Да, конечно, – с готовностью откликнулась она.

– Я оставил в коридоре портфель. Мне он сегодня не нужен, но в нем лежит кое-что, что нужно спрятать получше. Ты можешь сейчас это сделать?

– Могу, но я не понимаю, что именно и куда я должна спрятать.

– Иди в коридор. Видишь у вешалки портфель?

Дина видела. Портфель из мягкой кожи знаменитой испанской фирмы стоял, небрежно брошенный в угол, словно и не стоил небольшое состояние.

– Так, портфель я нашла.

– Открывай, – скомандовал Борис. – Среднее отделение открывай, то, что на большой молнии. Там увидишь небольшой контейнер.

Внутри портфеля лежало что-то, что Дина приняла за маленький пластмассовый термос.

– Вижу термос, – сказала она. – Его надо достать и вымыть?

Он засмеялся, как будто она сказала невесть что смешное.

– Не надо его мыть. И открывать не надо. Это не термос, это действительно контейнер. Емкость, в которой мы перевозим сапфиры. Я вчера забрал их с завода и не успел отвезти по нужному адресу. Но негоже им валяться на полу. Этот контейнер тянет тыщ на пять баксов, так что я тебя очень прошу, отнеси его в мою спальню. Идешь?

– Иду-иду, – чуть сварливо сказала Дина, которой, во-первых, было страшно держать в руках подобную ценность, а во-вторых, отчего-то неловко было переступить порог Бориной спальни. – Все, пришла.

В спальне царил образцовый порядок. Широкая, чуть ли не трехспальная кровать, при виде которой Дина почувствовала, что краснеет, застелена шелковым покрывалом, да так ровно, что ни морщинки. На стульях ни одной впопыхах забытой вещи, створки шкафов закрыты, шторы раздвинуты, а на стоящем в углу столе ни пылинки, ни соринки, ни бумажки. Сама Дина не могла похвастаться подобным порядком в собственной квартире, а уж для одинокого холостяка комната выглядела и вообще фантастически. Уникальный человек Борис Посадский. Уникальный.

– Так, открывай левую дверцу шкафа, там на самой нижней полке увидишь сейф, – командовал тем временем голос в трубке.

В шкафу царил тот же образцовый порядок, что и во всей комнате. Вещи лежали ровными стопками, словно в фешенебельном магазине. У самого пола Дина действительно увидела встроенный в шкаф металлический сейф.

– Так, я у цели, – сказала она.

– Отлично, набирай комбинацию цифр.

– Какую комбинацию?

– Ту, что я тебе сейчас продиктую, – он снова засмеялся, и Дина почувствовала себя совсем тупой. – Один, пять, один, один, один, девять, восемь, ноль.

Кажется, он диктовал дату своего рождения, и Дина с неким превосходством вдруг подумала, что это совсем неправильно. Злоумышленники, появившись у них, желая ограбить директора завода Посадского, наверняка знали бы дату его рождения.

Сейф мягко чпокнул, открываясь, и Дина засунула туда контейнер, не глядя, что еще лежит внутри. Больше всего на свете она боялась быть обвиненной в том, что посягает на чужое пространство. Впрочем, кажется, сейф был пустым.

– Все, я положила, можно закрывать?

– Ага, – ответил Борис. – Только не трогай цифровую панель на внутренней стороне дверцы. Если ты это сделаешь, код изменится. Все, спасибо за помощь.

В трубке запищали гудки, и Дина осталась в одиночестве стоять у открытого шкафа. Снова нагнувшись к сейфу, она, словно движимая какой-то странной силой, начала быстро нажимать кнопки на внутренней стороне дверцы. Те самые, которые Борис велел не трогать. Два, семь, ноль, три, один, девять, восемь, шесть. Дверца снова чпокнула, закрываясь, только теперь кодом служил день рождения самой Дины. Зачем? Она не знала.

Больше в спальне ей было делать совершенно нечего. Да и на работу пора собираться. Опоздать она не может. Пройдя по коридору, Дина снова оказалась в прихожей и взяла в руки портфель, чтобы убрать его в более подходящее место. Взгляд ее упал на вешалку с верхней одеждой. Здесь был ее пуховик, отсутствовало то пальто, в каком ходил Борис, зато висела его куртка, видимо, используемая реже, чем статусный кашемир, который Дина привыкла видеть на его плечах. Этим пальто, серым в елочку, длинным, мягким, чуть не бархатным на ощупь, Дина втайне любовалась все эти дни. Борис выглядел в нем очень солидно и статусно.

Впрочем, сиротливо висевшая на вешалке куртка тоже была не из дешевых. Темно-синий пуховик из плотной, явно качественной ткани со значком акулы на бирке. Где-то Дина уже видела такой, причем совсем недавно. Она потянула за рукав и прочитала красиво выписанные вязью слова «PAUL&SHARK».

Ну да, конечно. Именно такой логотип был на куртке Павла Попова, которую Дина видела сначала валяющейся в купе, а потом в подъезде. Борина куртка вообще была точно такой же. И по фирме, и по ткани, и даже по цвету. От этого открытия Дине стало нехорошо.

Вчера в подъезде Бориса Посадского, куда он возвращался с работы, имея в портфеле искусственные сапфиры на сумму в пять тысяч долларов, был убит человек примерно того же возраста и телосложения, одетый к тому же в точно такую же куртку, как у Бориса. Это не могло быть простым совпадением.

Дина вытащила из кармана джинсов телефон и набрала его номер.

– Слушай, мне уже не очень удобно говорить, – услышала она в трубке голос, к которому за два с половиной дня успела привыкнуть. – Если ничего не случилось, то я тебе позже перезвоню.

– Ничего не случилось, только ответить мне на один вопрос, – быстрой скороговоркой проговорила Дина. – Скажи, как часто ты носишь пуховик, который висит у тебя в прихожей?

Борис молчал, видимо, не в силах понять логику ее мыслей. Конечно, спросить

человека о какой-то дурацкой куртке после того, как он сказал тебе, что занят, – поступок явно неадекватный. Но Дине сейчас было совершенно все равно, что он о ней подумает.

– Довольно часто, – наконец ответил он, скорее всего, из вежливости. А может, для того, чтобы побыстрее отделаться от дурацких расспросов. – Если у меня нет деловых встреч, то в куртке удобнее ездить в машине на завод, чем в пальто. Да и теплее она. В этом году зима теплая, а в мороз в кашемире, конечно, не порассекаешь. Это все, что ты хотела узнать?

– Да, все, – сказала Дина и отключилась. Ей нужно было подумать.

Переводила она в этот день машинально, не вникая в смысл того, о чем шла речь на переговорах. На самом деле Дина просто ждала того момента, когда закончится очередной раунд и можно будет поехать в полицию, где ее сегодня ждали. Почему-то Дина была уверена, что к ее словам о том, что настоящей жертвой неведомого преступника должен был стать Борис Посадский, а Павел Попов погиб совершенно случайно, только потому, что у него такая же куртка, прислушаются со всей внимательностью. Однако ее надеждам не суждено было оправдаться.

– Девушка, – проникновенно сказал ей следователь. Не тот, что вчера выезжал на место преступления, потому что дежурил, а совсем другой, назначенный на это дело, – я, конечно, понимаю ваше желание выгородить своего возлюбленного, но не стоит тратить на это ни свое, ни тем более мое время. Одинаковые куртки, ей-богу, что за бред. Ваша, с позволения сказать, версия не выдерживает никакой критики. А знаете почему?

Дина не знала.

– Да потому что она совершенно не объясняет, что делал в вашем подъезде потерпевший. По вашим с Борисом Посадским показаниям, выходит, что в поезде вы видели этого человека в первый раз в жизни. Распрощались на вокзале и разъехались. Тем не менее именно он погиб в вашем доме. Он что, специально приехал туда, чтобы его перепутали с Посадским?

– Да не знаю я, – в отчаянии сказала Дина. – Мы его точно в гости не приглашали, если вы об этом. Но у Попова могли в нашем доме жить родственники, знакомые какие-то, я не знаю.

– Да-да, именно в вашем подъезде. Вы сами-то в это верите? Но чтобы закрыть наконец этот вопрос, скажу, что мы опросили всех жителей вашего подъезда. Никто из них не имеет даже самых отдаленных родственных связей с погибшим, никто его не знает, так что шел он именно к вам. Больше не к кому.

– Ну хорошо. На мгновение представим, что он шел к нам, хотя я никак не могу понять, зачем ему было это надо и откуда он узнал адрес. Но пусть. Допустим, он шел к нам и в подъезде напоролся на убийцу, который подстерегал Бориса, в темноте принял за него Павла, потому что у него такая же куртка, нанес удар, а потом понял, что перепутал, и убежал. Такое могло быть?

– Теоретически, конечно, могло, – согласился следователь. – Но пока вы оба не вспомните, зачем Павел Попов собирался с вами встречаться, мы все равно не сдвинемся с мертвой точки. Он шел к вам. Это неоспоримый факт. Он шел к вам, и кто-то его убил. Давайте начнем сначала. Зачем именно вы назначили ему встречу?

– Я никакой встречи не назначала, – Дина чуть не плакала.

– А если не вы, а Борис Посадский?

– Послушайте, – Дина как-то разом устала. То ли от бестолковости следователя, то ли от своего неумения все правильно объяснить. – Я не знаю ни о каких назначенных встречах. Мы простились на перроне без всяких намеков на возможное продолжение знакомства. И, если честно, меня сейчас гораздо больше беспокоит тот факт, что Борису грозит опасность. Я убеждена, что избавиться хотели от него. Или ограбить. А Попов, что бы он ни делал в нашем подъезде, погиб по ошибке.

– Ограбить? Это интересно, – следователь перегнулся через стол и теперь смотрел Дине прямо в глаза. – А что такого ценного имел при себе господин Посадский, ради чего стоило бы его убить?

Дина прикусила язык и даже ущипнула себя за руку, чтобы не проболтаться. Чужие тайны выдавать нельзя, это простое правило она усвоила еще в детстве. Ее дед искренне считал, что нет ничего хуже стукачества. Прохладный металлический тубус с сапфирами, убранный сегодня утром в сейф, казался таким осязаемым, что у Дины даже похолодели пальцы. Нет, она не будет о нем говорить, пока не узнает, законно ли то, что Боря выносил продукцию со своего завода и таскал ее в портфеле.

– У каждого человека есть, за что его могут ограбить, – сказала она как можно беспечнее. – Борис – человек состоятельный. По его внешнему виду понятно, что у него при себе могут быть деньги.

Следователь отчего-то развеселился.

– Милая девушка, – сказал он, давя смех, – должен вам сказать, что вы совсем не умеете врать. Это, во-первых. А во-вторых, любой состоятельный господин нынче не держит в кошельке наличных. Так, какая-то мелочь может и завалиться, но это точно не та сумма, ради которой стоит идти на убийство. Обычно бизнесмены пользуются картами, а потому нападать на них среди бела дня бессмысленно.

– Это мог быть какой-то наркоман, которому и тысяча рублей за радость, – вяло огрызнулась Дина. Она несла чепуху и прекрасно это понимала.

– Ну да, ну да. Только при таком раскладе этот наркоман мог напасть на любого, кто вошел в подъезд, – мягко сказал следователь, глядя на Дину с сожалением. – И никакие куртки тогда не имеют значения, и Борису вашему при таком раскладе ничего не угрожает.

Н-да, кажется, такая позиция называлась «вилка». Дине оставалось либо признать, что Борис не нуждается в защите, либо рассказать о спрятанных в сейфе сапфирах. Ни того, ни другого она делать не собиралась.

– Возможно, вы правы, – сказала она и легко поднялась со стула. – Я надеюсь, мне уже можно идти?

– Можно. Пока, – согласился следователь и протянул ей подписанный пропуск. – Вот только тут распишитесь, пожалуйста. Мол, с моих слов записано верно, мною прочитано. И да, по-прежнему никуда не уезжайте из Москвы.

– Я и не собираюсь, – сухо проинформировала Дина. Завтра у нее был последний день переговоров, а значит, оставаться в столице ей было категорически незачем. Но уезжать она действительно не собиралась. По крайней мере, до того момента,

пока не поймет, кто и почему угрожает Борису Посадскому.

Кстати, последнему она позвонила, как только вышла из полиции.

– Привет, – слышался в трубке голос, с которым Дина за последние пару суток практически сроднилась. – Как прошла беседа с доблестными стражами правопорядка?

– Ты что, видишь, где я? – засмеялась Дина и даже головой повертела, хотя понимала, что рядом его быть не может.

– Нет, просто у меня есть часы и я умею рассчитывать время. По моим подсчетам, ты как раз сейчас вышла от следователя.

– Так и есть, и не хочу тебя расстраивать, но мы с тобой по-прежнему самые главные подозреваемые.

– Это временно, Динка, – он назвал ее так, как звал тогда в Одессе, и Дина моментально вспомнила и шум прибоя, и запах моря, и вкус вареной кукурузы. – Помнишь, как в книжке «Физики тоже шутят»: «Подожди, и все плохое исчезнет само собой».

– Нанеся положенный ущерб, – закончила фразу Дина, – там же продолжение есть. Вот я и не хочу, чтобы положенный ущерб оказался необратимым. Ты сейчас где?

– Еду по трассе, спешу на свою встречу. Надеюсь, что она не сорвется так же, как вчерашняя. От нее многое зависит. Если хочешь, приезжай в Москва-Сити. Время есть, успеешь.

– Нет, не хочу тебе мешать и присутствовать в переговорах о том, в чем ничего не понимаю, – отказалась она.

– Ты регулярно присутствуешь на таких переговорах, – он почему-то развеселился, но голос его потонул в какой-то музыке, громыхнувшей Дине в ухо. – Макс, да выключи ты это проклятое радио.

– Ты не один? – спросила Дина, когда в трубке снова стало тихо, только на заднем фоне можно было различить шум оживленной трассы. – Я тебя отвлекаю?

– Я со своим коллегой и партнером, его зовут Максим Головачев, и я вас обязательно познакомлю. Если все-таки приедешь в ресторан, то прямо сегодня. Максим у нас холостяк, между прочим, причем дамы считают, что завидный.

Дине стало грустно. Так грустно, что она чуть снова не заплакала. Но еще чего не хватало – устроить Посадскому вторую истерику за два дня. Что он о ней подумает?

– В ресторан я не приеду, сейчас отправлюсь домой, зайду в магазин, куплю продукты и приготовлю еду, – ровным голосом сказала Дина. – И да, роль свахи тебе не идет.

– Да? – Он продолжал веселиться, не понимая, насколько Дине это неприятно. – А я всегда считал, что хорошо делаю все, за что берусь. Ладно, Динка, езжай домой и проводи вечер так, как считаешь нужным. В конце концов, ты у нас девушка самостоятельная. Я постараюсь приехать не поздно, часов в одиннадцать максимум, но если ты устала, то ложись спать, не жди.

– Разберусь, – сердито сказала Дина, которой эта роль старшего брата, которую

зачем-то играл Борис, надоела хуже горькой редьки, и отключилась.

По дороге домой она попала в пробку. Взятая такси тащилось по забитым донельзя улицам, периодически намертво вставая в каком-то особенно заколдованном месте.

«Господи, и как в этой Москве люди живут?» – Горестно думала Дина, глядя через мутное, заляпанное водой и грязью окно машины на бегущих по тротуару прохожих. Вся жизнь в дороге на работу и обратно. «Дистанции огромного размера», точь-в-точь по Грибоедову. И пробки-пробки-пробки. Нет, надо заканчивать дела и уезжать домой. Там легче дышится.

Добравшись наконец до дома, она зашла в магазин, придирчиво выбрала продукты, как будто от этого зависела ее жизнь, прикинула меню на скромный ужин для себя и приличный завтрак для них обоих и с некоторой опаской потянула на себя дверь подъезда, набрав код на домофоне.

Нет, сегодня ее не поджидали никакие сюрпризы. Меловый контур на плитке уже расплылся, стерся под сотней ног, и выглядел совсем нестрашным. Дина обошла его, стараясь не наступать на белую черту, нажала кнопку лифта и выдохнула. Еще пять минут, и она будет дома.

Запищал, открываясь, домофон, на плитку упала тень входящего, и Дина снова испугалась, чувствуя, как проваливается куда-то пустой желудок. Лифт открылся, и она не шагнула, а скорее, впрыгнула в него. Только бы успеть. Только бы спастись.

– Пожалуйста, не уезжайте, подождите меня, – услышала она довольно молодой мужской голос. Шаги ускорились, и в кабину лифта заскочил симпатичный молодой мужчина, правда, чуть лопухий. – Спасибо, что подождали. Вам на какой?

– На пятый, – сказала Дина.

– А мне на четвертый, – мужчина оказался из разряда общительных. Ну, хоть не маньяк и не убийца, слава богу. – Я уж подумал, вдруг вы тоже к Ефимию Александровичу едете. Я опоздал к назначенному мне времени, пробки жуткие. А времени в обрез. А вы, оказывается, этажом выше. Ну и хорошо, может, успею быстренько все сделать.

– А кто такой Ефимий Александрович? – полюбопытствовала Дина. Ей казалось неправильным, что Борис не знает никого из соседей.

– Как кто? – молодой человек даже не понял ее вопроса. – Вы живете в этом доме и не знаете, кто такой Ефимий Бондаренко?

– Нет, не знаю.

– Ну что вы, это видный российский ученый, палеограф. В нашей стране никто лучше его не разбирается в древних рукописях. Он уже немолод, поэтому из дома выходит крайне редко. Но с нами, аспирантами, занимается на дому, да и клиентов принимает тоже.

– Каких клиентов?

Лифт, кряхтя, доехал до четвертого этажа и остановился, чтобы выпустить Дининогo собеседника на волю.

– Ну тех, кто хочет купить какую-нибудь древнюю рукопись. Или продать, – последнее слово он прокричал уже через закрывшиеся двери, и Дина поехала дальше, на свой пятый этаж.

Замок на двери, ведущей в общий с соседями предбанник, отчего-то был не заперт, хотя, Дина точно помнила, что, уходя утром, его закрывала. Ну и что, соседи, наверное, не заперли. Поставив на пол сумки, она повернула собачку, убедилась, что дверь действительно затворилась за ее спиной и, сделав шаг, вставила ключ в замок на двери, ведущей уже в квартиру. Ключ не поворачивался. Да что за чертовщина.

Дина поднажала сильнее, и дверь внезапно открылась, так как была не заперта. Этого не могло быть, потому что по утрам Дина два раза проверяла, заперла ли дверь, как следует. Она не очень дружила с замками, особенно с чужими, а потому предпочитала перепроверить, чем подставить под удар чужое имущество.

Однако факт оставался фактом, квартира, которую снимал Борис Посадский и которая на этой неделе случайно стала прибежищем для самой Дины, стояла открытая всем ветрам. Или всем вора. Это смотря как посмотреть.

Зайти или не заходить? С одной стороны, злоумышленник, взломавший замок, мог все еще быть внутри, и встреча с ним не входила в Динины планы. Впрочем, ничего из того, что случилось с ней за последние дни, в ее планы точно не входило. С другой стороны, альтернативы, по большому счету, не было никакой. Звонить Борису и срывать его важную встречу? Ведь понятно, что он тут же примчится спасать Дину и не проведет так заботящие его переговоры. Нет, так нельзя.

Вызвать полицию? Дина представила лицо допрашивавшего ее сегодня следователя и передернулась. Нет, пока она не расскажет обо всем Боре, посвящать в очередное ЧП посторонних ни в коем случае не следует. Ждать на улице, пока Борис приедет домой? Холодно. Остаться сидеть в подъезде? Значит, стопроцентно привлечь к себе внимание соседей. Куда ни кинь, всюду клин. И что делать?

Потоптавшись немного на пороге, Дина приняла соломоново, как ей показалось, решение и нажала кнопку звонка на соседской двери, той самой, что выходила в общий с квартирой Бориса предбанник.

– Фьюить-фьюить, – рассыпались по подъезду звонкие птичьи трели, звучавшие в разгар мрачного, слякотно-дождливого февраля как минимум неуместно.

Дверь открылась, и на пороге показалась молодая, гораздо моложе самой Дины, растрепанная девушка с поварешкой в руках.

– Здравствуйте, вы к нам?

– Здравствуйте. Я ваша соседка. Точнее, я временно живу в этой квартире вместе с вашим соседом. Его зовут Борис Посадский, но сейчас он на работе. Вы его знаете?

– Неа, – девушка покачала головой и переступила босыми ногами по полу. Видимо, ей было холодно так стоять перед открытой дверью. – А вы что хотели-то?

– Понимаете, я вернулась домой и обнаружила, что дверь квартиры открыта. Мне кажется, туда могли проникнуть воры, а одной мне страшно это проверить. Если у вас дома есть кто-нибудь из мужчин, он не мог бы сходить со мной?

– Вень, а Вень, – закричала девчонка куда-то в глубь квартиры, – иди сюда! Тут в

соседней квартире бандиты спрятались.

– Видите ли, я не знаю, спрятались они или уже ушли. Может, их там и вообще не было, а все случившееся только плод моего воображения, – скороговоркой зачастила Дина и замолчала, потому что в дверном проеме, отодвинув босую растрепу, показался качок лет тридцати, из тех, кто несколько раз в неделю посещает тренажерный зал, если не работает тренером по фитнесу.

– Вам чего?

– Я живу в соседней квартире. Пришла домой, обнаружила, что дверь не заперта. Боюсь заходить, – коротко проинформировала Дина.

– И чего?

– Сходите со мной, пожалуйста. Или хотя бы в дверях постоит. Я понимаю, что это странно – обращаться к незнакомым людям с такой просьбой, но после того, что случилось в подъезде вчера, мне бы не хотелось стать вторым трупом.

– Ко вчера мы отношения не имеем, – быстро сказал парень. Веня, кажется.

– А я про вчера ничего и не говорю.

– Так вы что, из этой квартиры? – он кивнул на приоткрытую дверь. – А я думал, ее мужик какой-то снимает. Его еще почти никогда дома нет. Нам так и хорошо, шуму меньше.

– Да, но так получилось, что сейчас я тоже тут живу.

– Понятно, любовница этому мужику, значит, – парень почесал через майку идеально накачанный торс. – Ладно, дамам надо помогать. Пошли. А ты, Ленюк, стой тут. В твоём положении волноваться вредно.

Только сейчас Дина разглядела, что стоящая перед ней девушка беременна. Срок был еще совсем маленьким, но животик уже начал округляться под трикотажным платицем.

– Жена моя, – кивнул на девушку парень. – Ребенка ждем.

– Да, хотим к лету домик построить за городом, – радостно улыбаясь, сказала девушка. – Ребенку в мегаполисе плохо, а на природе, наоборот, хорошо. Конечно, эти дома столько стоят, что ужас. Но Веня сказал, чтобы я не переживала. Он обязательно что-нибудь придумает.

– Пойдемте, пожалуйста, – попросила Дина, чувствуя, как сумки оттягивают руки. Она ужасно устала топтаться перед дверью и бояться. Да и слушать про чужую счастливую жизнь ей было неинтересно.

У этой самой Лены был муж, готовый на все ради будущего ребенка. И ребенок тоже был. Пусть еще и в проекте. А у Дины не было никого, кроме мамы с папой и бабушки с дедом. Конечно, это немало, кто спорит...

Она посильнее толкнула свою дверь и, затаив дыхание, переступила через порог, не слыша, а скорее, угадывая, что за ней идет Веня. В коридоре никого не было, лишь бережно поставленный Диной на комод Борин портфель теперь валялся в самом конце коридора, практически у двери в ванную комнату, по всей вероятности, отброшенный

туда в порыве раздражения. Ну да, как помнила Дина, в портфеле не было ничего ценного, только какая-то книжка и запасной аккумулятор для зарядки телефона.

Она подошла к портфелю, подняла его и даже погладила, словно он был обиженным ребенком, рывком открыла дверь ванной комнаты и включила там свет. Никого. Таким же способом был проверен туалет, после чего Дина заглянула в пустынную кухню, а затем, перебежав коридор, в гостиную, ставшую временно ее комнатой. Там тоже никого не было.

– Ну что? – спросил от порога сосед.

– Здесь никого нет. Осталось только спальню проверить. Она слева от вас.

– Да я знаю, – Веня усмехнулся, – у нас такая же квартира, только зеркальная. Он зашагал в сторону спальни, прячущейся за небольшим боковым коридорчиком, в котором стоял большой шкаф. В его недрах жили пылесос, гладильная доска и утюг, а также нехитрые бытовые приборы и средства для уборки. Войдя в спальню, сосед замолчал на полуслове, а потом длинно присвистнул.

– Кто там? – с опаской спросила Дина.

– Никого тут нет, – Веня снова появился в коридоре, – но точно был. Там в шкафу сейф, так вот его, похоже, кто-то пытался вскрыть.

Дина бросилась в спальню. Так и есть, шкаф – тот самый, который она закрывала сегодня утром – стоял нараспашку. Вокруг валялись какие-то вещи, но все внимание Дины было приковано к маленькому, вделанному в нижнюю полку сейфу, который был весь исцарапан, но закрыт.

– Шифр подобрать не смогли, – тоном знатока сообщил стоящий за ее спиной Веня. – Видимо, ножом ковыряли, а может, ножницами или еще каким инструментом. Но не открыли. Хороший сейф, надо будет себе такой установить. Ладно, если я вам больше не нужен, то я пошел. Ленек там одна, заботится еще. Вы это, полицию будете вызывать?

В его голосе явно звучало нежелание иметь с полицией что-то общее.

– Нет, вы не подумайте. Просто вчера полвечера у нас толклись, опрашивали, Ленек заволновалась вся. Если еще и сегодня нагрянут, так и вообще полный капец. Извините.

– Я не знаю, будет ли владелец, то есть Борис, вызывать полицию, – сказала Дина. – Я в любом случае дожусь, пока он вернется с работы, а там будет так, как он решит. А вам, Вениамин, спасибо за помощь. Сама бы я ни за что не решилась сюда войти.

– Давайте я замок посмотрю, – предложил он, – если дверь взломали, так он, может, и не закрывается. А если ключом открыли, так вы можете запереться. Страшно, поди, в открытой квартире сидеть.

– Если открыли, значит, ключ остался у преступников, – покачала головой Дина, – тогда они и в запертую квартиру в любой момент могут вернуться. Но выхода у меня нет. Не в подъезде же ждать.

– Собачка сбита, – сказал сосед, осмотрев дверь. – Починить можно, но инструменты нужны. А у меня нет. По-хорошему, вы, конечно, правы. Замок лучше

сменить, чтобы визитеры эти незваные еще раз не появились. Но это ваш друг пусть сам решает. А вы, если вам тут страшно, можете пока у нас с Ленком пересидеть.

– Спасибо за предложение, но это как-то неудобно, – засомневалась Дина, которой было ужасно страшно оставаться одной в пустой квартире с незапирающейся дверью.

– У вас свои планы на вечер и вообще...

– Да ладно, что мы – нелюди, что ли. Пошли давай. – Он легко перешел с Диной на «ты», и она приняла это, хотя обычно сходилась с людьми долго и трудно, болезненно реагируя на панибратство.

– Сейчас, я только продукты уберу в холодильник и приду, – сказала она. – Ужин мне сегодня приготовить не удастся, но жалко, если продукты пропадут.

– Приходи, – понимающе кивнул Веня. – Леночка капусты нажарила, так что с голоду умереть тоже не дадим.

Разобрав пакеты и прихватив с собой «в гости» купленную бутылку вина (в этом месте Дина похвалила себя за предусмотрительность), она наскоро позвонила родителям, фальшивым голосом сообщила, что у нее все хорошо и она уже в гостинице, а потом, немного подумав, написала записку для Бориса: «Я у соседей», которую найденным скотчем приклеила ко входной двери.

Она уже знала на собственном опыте, что стены тут практически звуконепроницаемые, дом был построен давно, а потому сделан на совесть, не то что советские панельки или нынешние новостройки, в которых было слышно даже, как сопит за стенкой соседская собака. Если она будет сидеть у соседей на кухне, значит, гарантированно пропустит тот момент, когда Борис вернется домой.

Что он подумает, обнаружив пустую открытую квартиру и сейф со следами неудавшегося взлома? Дина предпочитала не рисковать. А так Боря увидит записку, позвонит в соседскую дверь и заберет Дину. А она пока проведет время в безопасности, а уж если ее еще и покормят... Жареной капусты уже хотелось невыносимо.

Квартира Вени и Лены действительно оказалась зеркальным отражением квартиры Бориса. Невооруженным глазом было видно, что она давно требует ремонта. Вокруг было чисто и аккуратно, но выцветшие обои, потолок в разводах от протечки крыши и стертый линолеум лишний раз подтверждали, что жили здесь небогато.

– Мы специально ремонт не делаем, – пояснила Лена, перехватив взгляд Дины. – Это бабушки моей квартира. Когда мы с Веней поженились, бабушка к моим родителям переехала, а нас сюда отселили. Молодым же лучше отдельно от родителей жить. Квартира старая, но деньги на ремонт жалко тратить. Мы же дом за городом хотим строить, здесь пару лет точно не появимся, по крайней мере, пока ребенок в школу не пойдет. А каждая копейка на счету.

Это Дине было очень даже понятно. Она в свои тридцать четыре года до сих пор жила с родителями. Ей было хорошо и спокойно, ее кормили, лелеяли, ни о чем не спрашивали, создавали прекрасные условия для работы, но все чаще Дина, чувствуя себя ребенком, испытывала не благодарность, а раздражение. Наверное, все-таки пора взрости.

– А кем вы, Вениамин, работаете? – спросила она, скорее, для поддержания разговора, чем из интереса.

– Ой, Веня – строитель. У него руки просто золотые, поэтому его на работе очень ценят, очень, – тут же с жаром начала объяснять Лена. – У него сначала свое ИП было, он объекты по всему Подмоскovie брал. Кому дом построить, кому коттедж отремонтировать. Но это работа сезонная, разом пусто, разом густо. Поэтому, когда ему предложили в крупную фирму податься, которая крутые подряды берет, ну, такие, знаете, на возведение новых промышленных предприятий, то он согласился, конечно. Мы тогда только встречаться начали. Он уедет вахтовым методом на два месяца, а я ему письма пишу. Или в гости к нему летаю. А потом вернется, и месяц вместе, ни на минуточку от меня не отходит. Но сейчас, когда стало ясно, что у нас малыш будет, Веня уволился. Боится меня надолго одну оставлять.

– Снова частные заказы берете?

– Да пока не подворачивается ничего. Да и свой дом все-таки планирую начать строить. Никому не доверю, своими руками предпочитаю каждый кирпичик на место положить. Для своей семьи стараться особенно приятно, – солидно ответил сосед.

От жареной капусты и бокала вина Дину потянуло в сон. В Москве она всегда уставала сильнее, чем дома, словно огромное чужое пространство вытягивало у нее все силы. А тут еще и жизнь как в плохом детективе, немудрено, что она чувствует себя совсем разбитой. Интересно, и сколько это времени.

Часы, на которые Дина взглянула украдкой, чтобы не смущать хозяев, показывали без нескольких минут девять. А Борис сказал, что вернется не раньше одиннадцати. Господи, как же еще долго. Ее манипуляции с часами не остались незамеченными.

– Знаете, что, – сказала Лена, забирая у Дины пустую тарелку и вставая к раковине, чтобы помыть посуду, – вы идите в гостиную и ложитесь на диван. Там плед лежит, можете укрыться, если прохладно станет. И поспите, а то вы такая бледная, просто жалко на вас смотреть. Или, если не хотите спать, можете телевизор посмотреть.

– Да мне и так неловко, я весь вечер вас отвлекаю, – заотнекивалась Дина. Спорила она, скорее, для проформы, потому что чувствовала, что ее совсем не держат ноги, а потому быстро позволила себя уговорить.

В гостиной стояла тяжелая, видимо, еще бабушкина, мебель: дубовая горка с хрусталем, книжный шкаф, комод с телевизором и даже пианино, накрытое крахмальной салфеточкой с расставленными на ней слониками. Мило и старомодно. Дина подошла поближе, чтобы рассмотреть слоников внимательнее. На крышке пианино лежала книга. Точнее, какой-то технический справочник под руководством В. Н. Агинского. Интересно, а композитору он родственник? Хотя, что это она, знаменитый полонез же написал Агинский. От собственной, пусть и случайно безграмотности Дине тут же стало стыдно. Висящие на стене часы, тоже старинные, пробили девять. Сладко зевнув, она вернулась на диван, потянула на себя пушистый клетчатый плед и через минуту провалилась в сон.

* * *

Дина проснулась внезапно, словно от толчка, и мгновение не могла понять, где находится. Ах да, она задремала у сердобольных соседок в ожидании, пока Борис вернется домой и, увидев записку в двери, придет ее выручать. А разбудили ее часы, старинные часы, отбившие несколько глухих ударов, сколько, Дина не помнила. Видимо, до этого она спала так крепко, что бой часов не нарушал ее сна, а сейчас, получается, разбудил. В комнате было совершенно темно, свет уличных фонарей не проникал через плотно закрытые тяжелые шторы, старинные, как отметила Дина, такие же, как и все в этой комнате.

Нашарив рукой телефон, она нажала на кнопочку, вызывая экран к жизни, и порывисто села. Во-первых, часы показывали два часа ночи, а это означало, что Борис давно уже вернулся домой. Во-вторых, на экране высвечивался непринятый звонок от самого Бориса.

Так, получается, что, увидев ее записку на двери, он просто решил, что Дина пошла в гости, и не понял, что ее нужно забрать? И что же, он уже давно дома и обнаружил сломанный замок и поцарапанный сейф? Но почему же даже после этого он не пришел к соседям? Ах да, он позвонил, но Дина не слышала звонка, потому что, идя в полицию, выключила звук на телефоне, а потом забыла включить обратно. Черт, и что теперь делать?

В квартире царила тишина. Веня и Лена уже, конечно, спали, что совсем немудрено в такой час. Ждать до утра или возвращаться домой? Неудобно будить приютивших ее людей, тем более беременную женщину, да и Борис уже наверняка спит, значит, придется остаться здесь до утра. Боже, как неудобно получилось. И зачем она только заснула.

Дина улеглась обратно и натянула повыше плед, потому что от мрачных мыслей ее начал снова бить озноб. Взяв телефон, она установила будильник на шесть утра, чтобы точно успеть застать Бориса до ухода на работу и все ему объяснить. Можно было спать дальше, но сон не шел, спугнутый необычностью ситуации. Дина вертелась с боку на бок, старый диван скрипел под ней, и ей казалось, что этим скрипом она сейчас перебудит весь дом. Да что ж за напасть-то такая...

До утра она больше так и не сомкнула глаз и чувствовала себя не отдохнувшей, а вконец измученной. В полуяви-полубреду ей виделись страшные картины окровавленного тела Бориса Посадского на полу в подъезде, разорванной в клочья куртки, зияющей дыры в боку металлического сейфа, вырванного из шкафа «с мясом». К шести утра Дина понимала, что чувствуют люди, когда сходят с ума.

До звонка будильника оставалось минут десять, когда она поняла, что больше лежать не в состоянии. Встав с дивана, Дина аккуратно сложила плед, пригладила взлохмаченные от метаний по подушке волосы, зажала в кулаке телефон и на цыпочках пошла в сторону входной двери. Если замок в ней можно захлопнуть, то она просто уйдет к себе, а поблагодарить хозяев забежит попозже, когда пойдет на работу.

Она копалась у двери, стараясь делать это неслышно, но, видимо, ей это не удалось, потому что из спальни, почесывая пузо, вышел Веня. Дина оценила, что он не поленился натянуть спортивные штаны и футболку, не выскочил перед гостьей в трусах. Хороший он все-таки мужик, этот Веня, хоть и простой работяга.

– На работу пора? – спросил он и широко зевнул. – Нам-то с Ленком в такую рань вставать ни к чему.

– Извините, что разбудила.

– Да ну, бросьте, Ленок спит крепко, так что ей вы не помешали, а я сейчас обратно завалюсь. Вы того, заходите, если что. Времена-то вон какие лихие.

– Веня, а вы этого человека никогда не видели? – почему-то спросила Дина, вроде собиравшаяся уходить.

– Какого человека? – не понял он.

– Убитого. Павла Попова.

– А где я должен был его видеть? Мы с Ленком дома сидели. Шум слышали внизу, но нас не касалось, так я и выходить не стал. Сами понимаете, Ленок в таком положении, что ее лишней раз оставить страшно. Потом уж полицейские приходили, спрашивали, не знаем ли мы убитого, так мы про убийство и узнали. Ленок расстроилась, конечно. Мы даже врачу ее звонили, спрашивали, можно ли ей валерьянки принять или там корвалола какого. А вы почему спрашиваете?

– Да я и сама не знаю, – призналась Дина. – Просто как-то странно это все. Сначала убийство, потом попытка ограбления... Разные мысли в голову приходят. Ладно, спасибо вам и Лене за гостеприимство, вы меня очень выручили.

– Да ладно, какие проблемы, мы же соседи, – улыбнулся Веня. – А парню своему вы скажите, чтобы замок лучше поменял. Если только собачку починить, она в самый неподходящий момент заесть может.

– Спасибо, скажу.

Борина квартира встретила Дину открытой дверью и неожиданной пустотой. Дверь в спальню была нараспашку, и через нее Дина видела оставленный вчера беспорядок и пустую, аккуратно застеленную кровать. Бориса в спальне не было. Обойдя всю квартиру, Дина убедилась, что его вообще нет дома, и в недоумении опустила на табурет в кухне, не понимая, куда он делся и что ей делать дальше.

Если Борис, вернувшись вечером, увидел разгром и сломанный замок и решил не ночевать в квартире, то почему он ее не предупредил? Хотя да, он же звонил, а она не слышала звонка. И что теперь? Уйти на работу и оставить незапертую квартиру? Попросить сердобольных соседей ее постеречь или дать Вене денег, чтобы купил и установил новый замок?

Дина чувствовала, что начинает сердиться. Это была не ее дверь, не ее квартира и не ее проблемы. Почему она должна переносить это все в одиночку? Взяв телефон, она решительно набрала Борин номер. Даже если он еще спит, не беда.

Гудки ввинчивались в ухо, но трубку никто не брал. Злость улеглась, словно бурное море, залитое маслом. В качестве масла служил страх, дикий, иррациональный, поднимающийся откуда-то из живота и скручивающий внутренности в тугую узел. Вдруг с ним что-то случилось?

– Привет, – услышала она и выдохнула резко, как только может человек, который несколько минут, оказывается, не дышал. – Что, проснулась и не можешь понять, куда я девался?

– Что-то вроде этого, – сухо сказала Дина.

– Извини, я вчера пытался тебя предупредить, но, видимо, ты уже спала. Мне пришлось переночевать сегодня в другом месте.

– Почему? Что-то случилось? Ты в больнице? Или, может, тебя вообще похитили?

– Похитили? – он коротко хохотнул. – Наверное, можно и так сказать. Нет, Динка, ты не волнуйся, я в полном порядке. Я не ночевал дома по очень простой причине. Многие мужчины так поступают.

Она все еще не понимала. Или не хотела понимать.

– По какой причине можно не вернуться домой, если не по болезни? У тебя точно все хорошо?

– У меня все отлично. Я провел ночь не в полиции, не в больнице, не под забором. Я был у женщины. Понимаешь, балда?

– У какой женщины? – глупо спросила Дина и вдруг поняла. Открытие обожгло ее словно выплеснутый кипяток. Она даже зашипела, как от ожога и, кажется, снова перестала дышать.

– Дина, – похоже, теперь он начал сердиться, – я встретил в ресторане, в котором проводил встречу, свою давнюю знакомую и поехал к ней. Такой ответ тебя устраивает или тебе нужны ее паспортные данные и адрес?

– Устраивает, – металлическим голосом проскрежетала Дина. – Меня совершенно не волнует, где ты провел ночь. А главное – с кем.

– Да? – теперь Борис явно развеселился. – А так и не скажешь.

Дине тут же захотелось утопиться, повеситься и выпрыгнуть в окно от унижения. Еще не хватало, чтобы он думал, что она за ним бегаёт. Нет ничего удивительного, что человек, за которым закреплена слава бывшего холостяка и отпетого бабника, провел ночь у какой-то своей пассии. Понятно же, что он не живет монахом, и вообще ее это совершенно не касается.

– Меня волнует, что я провела ночь на соседском диване, – нелюбезно сообщила она. – Я не могла остаться в квартире, потому что в нее вчера влезли грабители и повредили замок. Извини, но мне было страшно одной в незапертом доме. Я ушла к соседям и оставила тебе записку, чтобы ты меня забрал, когда вернешься. Но ты не вернулся. И сейчас я не понимаю, что мне делать. Меня, между прочим, на переговорах ждут.

– погоди, – тембр его голоса изменился, – погоди, Динка, я вообще ничего не понял. Какие грабители? Какой взлом?

– Я пришла вчера домой и увидела открытую квартиру. Замок был сломан и не закрывался.

– И ты сунулась внутрь? Одна? Ненормальная! Ты почему сразу мне не позвонила?

– Ты ехал на важную встречу. Не могла же я второй день подряд сорвать тебе рабочие планы. Ну конечно, я не пошла одна. Мне было страшно, и я позвала на помощь соседей. Веня зашел со мной в твою квартиру, и мы увидели...

– погоди, кто такой Веня?

– Господи, да что же ты такой тупой-то! – возмутилась Дина. – Ты слышишь вообще, что тебе говорят? Веня – твой сосед. У вас квартиры выходят в общий предбанник. И у него жена Лена, которая ждет ребенка.

– Для человека, который живет в моей квартире три дня, ты удивительно хорошо осведомлена. За два года я ни разу не видел своих соседей, не говоря уже о том, что не знал об интимной стороне их жизни. И что, этот Веня пошел с тобой, и что дальше? Меня ограбили?

– В том-то и дело, что нет. Никто ничего не тронул, кроме сейфа в спальне. Его пытались открыть, но не смогли.

– Сейф? – В голосе Бориса теперь явственно слышалась паника. – Господи, ты же утром убрала туда сапфиры.

– Судя по тому, что сейф весь расцарапан, но не вскрыт, они до сих пор там лежат, – сказала Дина. – Но, признаться, я не проверяла, чтобы не затереть никаких следов. Я не стала вызывать полицию, потому что не была уверена, что ты этого захочешь.

– Господи, да как ты вообще могла мне не позвонить, – простонал Борис. – Что это за самодеятельность такая? Сунуться во взломанную квартиру, позвать на помощь постороннего человека, остаться ночевать хрен знает у кого и при этом не сделать элементарного – не набрать мой номер.

– Но ты был занят!

– Дина, вот только никогда не надо принимать за меня решения. В любой ситуации твоя задача – сообщить мне, а я уже сам разберусь, насколько я занят и что делать.

– И что сейчас делать? – ядовито спросила Дина. – На часах половина седьмого, и максимум через полтора часа мне надо выходить из дома, чтобы не опоздать на последний раунд переговоров. Оставить твою квартиру открытой я не могу. А ты непонятно где, и, заметь, я вовсе не прошу назвать мне твой адрес.

– Я сейчас приеду! – рявкнул Борис. – По утренним улицам буду минут через тридцать, максимум сорок. Достаточно, чтобы ты мне все рассказала до того, как отправишься на свои дурацкие переговоры.

– Не смей на меня орать, – когда это было надо, Дина умела говорить металлическим голосом. – Я тебе не кисонька, с которой ты провел ночь. И я не виновата, что кто-то позарился на твои драгоценные сапфиры и влез в твою квартиру. И мои переговоры не более дурацкие, чем твои. Те самые, на которые ты поехал вчера, а ушел с них с какой-то непонятной бабой.

– Слушай, Резникова, ты что, ревнуешь, что ли? – с веселым изумлением спросил Борис. – Нет, я серьезно, мне это даже льстит.

Разъяренная Дина нажала на отбой, хотя голос в трубке говорил что-то еще. Слушать Бориса Посадского ей совершенно не хотелось.

Он появился в квартире минут через сорок. Дина успела принять душ, уложить волосы, приготовить завтрак, одеться и накраситься.

– Садись к столу, – сквозь зубы сказала она, услышав в прихожей его шаги и дождавшись, пока он появится в днерном проеме кухни. – Ты же наверняка с утра ничего не ел.

– Не ел, – согласился Борис, и в его взгляде мелькнуло что-то непонятное. Дина не поняла, что именно. – Сейчас сейф проверю и приду. Ты очень вчера испугалась?

– Да нормально, – Дина независимо пожала плечами. – Мне соседи действительно здорово помогли. Ты потом зайди сказать им спасибо, ладно?

– Зайду. – Он отлепился от двери и пошел в сторону спальни, Дина зачем-то слушала его шаги, тяжелые, уверенные, очень мужские.

На какое-то время они стихли, затем раздался какой-то скрип или скрежет, а потом тихое чертыханье под нос. Снова шаги, и Борис появился в дверях, сердитый и насуспенный.

– Чертов сейф, я не могу его открыть. То ли его все-таки взломали, то ли просто повредили при попытке взлома.

– Ой, – Дина приложила ладошку ко рту, – ой-е-ей.

– Ты чего?

– Боря, ты не можешь его открыть, потому что я поменяла шифр.

– Что ты сделала? – Борис смотрел на Дину с таким изумлением, словно у нее нечаянно выросла вторая голова. – Поменяла шифр? Зачем?

– Когда ты диктовал мне цифры, то я подумала, что это дата твоего рождения, а значит, очень просто. Твой день рождения знает огромное число людей, а потому при подборе шифра такая комбинация всплывет в первую очередь. Я решила, что это неправильно, и ввела другие цифры.

Борис с любопытством смотрел на нее.

– И какие?

– Свой день рождения. Что ты смеешься? – с возмущением вскричала Дина, видя, что плечи Бориса затряслись. Он сделал один шаг и внезапно обнял ее, притянув голову к своему крепкому плечу.

– Слушай, пигалица, при всей нелогичности твоих действий, ты кажется, спасла мои сапфиры. Если бы не ты, то похититель действительно открыл бы сейф, потому что, похоже, знал код. А так ему пришлось убраться, не солоно хлебавши.

– И в чем же тогда нелогичность? – тихонько спросила Дина, уткнувшись носом в его кашемировый свитер, от которого изумительно пахло: одеколоном, смесью для защиты шерсти при полоскании, а еще чем-то незнакомым, но очень мужским и приятным.

Стоять так она, пожалуй, могла бы вечность, но Борис уже разжал руки, отпуская ее, и она подчинилась, не желая ставить себя в глупое положение.

– Нелогичность? – чуть рассеянно уточнил он, будто мысли его сейчас были очень далеко. – А она в том, что ты поменяла одну дату рождения на другую, хотя считаешь такой шифр ненадежным.

– ТВОЙ день рождения – ненадежный шифр для сейфа, стоящего в ТВОЕЙ квартире, – сообщила Дина и отвернулась, чтобы он не видел ее лица. Начала наливать кофе, чтобы занять руки. – МОЙ день рождения никто из твоего окружения не знает, а подобрать его невозможно, это поди больше миллиона сочетаний.

Борис что-то посчитал в уме, шевеля губами. Дина терпеливо ждала.

– Более двухсот двадцати миллионов, – наконец сказал он. – Да, ты права, моя мудрая подруга детства. Свои слова о женской логике забираю назад, а вот благодарность за спасение меня от ограбления удваиваю.

– Тогда садись и ешь, а то я из-за тебя на работу опоздаю, – строго сказала она, – а если тебе так не терпится проверить свои чертовы сапфиры, то день рождения у меня двадцать седьмого марта тысяча девятьсот восемьдесят шестого года.

Борис снова исчез из кухни, видимо, отправившись в спальню.

– Я помню! – крикнул он оттуда.

– Что именно ты помнишь?

– Дату твоего дня рождения.

От изумления Дина пролила кофе. Горячая жидкость обожгла ноги, и Дина зашипела, как давеча от внутренней боли, вот только боль теперь была самая настоящая, физическая. Хорошо, хоть юбку не облила, а то пришлось бы бежать переодеваться. Отставив чашку на стол, она схватила тряпку с раковины и быстро вытерла сначала многострадальные ноги, а потом пол.

– Пачкуля Пестренький, – Борис неведь как оказался рядом, присел, забирая тряпку из ее рук, быстро затер лужу на полу, подул на покрасневшую щиколотку под тонким капроном колготок.

– Больно?

– Нормально, – независимо ответила Дина и порывисто встала, боднув его плечо лбом. – А откуда ты можешь помнить про мой день рождения?